

Я.М. ПАРОМОВ
YA.M. PAROMOV

**ОБРЯД ПАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА ТАМАНСКОМ
ПОЛУОСТРОВЕ И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ИДЕАЛА В МОГИЛАХ
АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА**
**THE RITUAL OF TWIN BURIAL ON THE TAMAN PENINSULA AND
REFLECTION OF ITS IDEAL IN THE GRAVES
OF ARTYUKHOVSKY KURGAN**

Среди большого числа погребений античного времени и эпохи бронзы, открытых на Таманском полуострове за два века археологических исследований, парные погребения занимают особое место и заслуживают особого внимания. Следует отметить, что в данной статье понятие «парные погребения» охватывает только синхронные или близкие по времени совместные захоронения мужа и жены в одной специально построенной для этой цели гробнице. Эта форма обряда появляется в глубокой древности вместе с первыми свидетельствами погребальной практики и существует до настоящего времени [Андреева, 2005, с. 69]. Главная задача настоящей статьи – приблизиться к осмыслению феномена парных погребений Артюховского кургана, ставших вершиной развития данного обряда на территории Таманского полуострова.

Первые свидетельства, относящиеся к нашей теме, можно найти в области первобытного искусства. Наиболее ранние памятники антропоморфной скульптуры созданы, скорее всего, представителями земледельческих культур Северной Месопотамии. Вероятно, еще в эпоху раннего неолита в этом регионе появилась традиция изготовления каменных антропоморфных фигур. Две из них, относящиеся к VI тыс. до н.э., были обнаружены при раскопках храма в Айн-Гхасаль (рис. 1). В этих произведениях обращает на себя внимание парность скульптур, олицетворявшая магическую силу удвоения и приумножения всего живого [Молева, 2012, с. 16. Табл. I, 1а, б]. Однако прежде всего в них ясно выражена идея двуединства, чрезвычайно близкая главной идее парного погребения.

Сложнее воспринимается и трактуется двуглавая мраморная фигура из Чатал-Хююка (рис. 2). По мнению исследователя неолитического искусства Анатолии В.А. Семенова, божественная семья в том древнем обществе представлялась в человеческом образе и ее четыре аспекта были подчеркнуты особо: мать, дочь, сын и отец. Вопрос состоит в том, воспринимали ли люди эпохи неолита эти воплощения четырех аспектов семьи как четырех богов или как двух – обобщенного образа женщины и образа мужчины. Что особенно заслуживало внимания в неолитической религии Анатолии и применимо к Чатал Хююку так же, как и к Хаджилару, – это полное отсутствие признаков пола у любой из фигур: будь то статуэтка, рельеф или стенная роспись. Репродуктивные органы никогда не подчеркивались [Семенов, 2008, с. 227, ил. 227]. Последнее, скорее всего, лишь усиливает идею двуединства,

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

выраженную в этой мраморной фигуре так же отчетливо, как в фигурках из храма Айн Гхасаль. Вероятно, то же можно сказать и о сдвоенной фигурке, найденной при раскопках телля Винча близ Белграда (рис. 3). Эта статуэтка принадлежит культуре эпохи позднего неолита – раннего энеолита, названной по теллю и датируемой последней третью VI – первой половиной V тыс. до н.э. [Молева, 2012, с. 60, рис. 4].

Среди сравнительно небольшого числа произведений пластического искусства, найденных на Ближнем Востоке, нашей теме близка небольшая каменная статуэтка, купленная известным французским ученым аббатом Брейлем (Анри Эдуар Проспер) у бедуинов (рис. 4). Она происходит, предположительно, из Айн-Сахри и представляет собой пару сидящих с поднятыми коленями обнимающихся людей. Подобный сюжет известен среди петроглифов Кильвы и, по мнению исследователя, относится к VII–IV тыс. до н.э., являясь наследием культуры ранних охотников [Семенов, 2008, с. 176, 177, ил. 172].

Особого внимания заслуживают каменные изваяния и надгробия эпохи бронзы и раннего железного века, найденные на Боспоре. На первом месте здесь стоят две антропоморфные плиты, обнаруженные в основании кладки крепостной стены Тиритаки, где они были использованы как строительный материал (рис. 5). Эти изваяния представляют собой грубо выполненные изображения человеческих фигур: одно – мужчины, другое – женщины, о чем свидетельствуют показанные на второй стеле груди. На обеих плитах, имеющих значительные размеры (высота 1,4 и 1,28 м, ширина 0,55 и 0,63 м), в высшей степени условно представлены плоским рельефом человеческие образы с особо подчеркнутым изображением рук, показанных от плеча до локтя горизонтально, вдоль верхнего края плиты. От локтя руки сгибаются под острым углом, немного сведены и направлены книзу. Ладони прижаты, причем на обоих рельефах в одинаковом стиле показаны вытянутые и чуть разведенные пальцы обеих кистей рук. Головы изваяний исполнены в виде небольшого выступа посредине плиты, лица лишь намечены. Антропоморфные плиты предназначались для установки в земле, о чем свидетельствует их неотделанная нижняя часть, отличающаяся по цвету [Книпович, Славин, 1941, с. 38, 39, рис. 50, 51; Гайдукевич, 1949, с. 31; Молева, 2012, с. 60]. Условия находки не позволяют говорить о месте установки этих стел, однако благодаря соразмерности и сходству, единству стиля и техники исполнения они представляют совершенно определенное единство и вполне могли стоять рядом, принадлежа парному погребению.

В пользу этого предположения говорит также надгробная плита из местного раковистого известняка с изображением двух стоящих в фас фигур – мужской и женской, найденная на горе Опук, вблизи Киммерика, и связанная, скорее всего, с одной из парных могил здешнего некрополя (рис. 6). По мнению А.П. Ивановой, занимавшейся исследованием скульптуры и живописи Боспора, боспорские антропоморфные надгробия восходят к догреческим художественным традициям, идущим от первобытного общества. В этом памятнике она выделяет строгую геометричность фигур, трактовку глаз и носа, а также плеч и рук женской фигуры, исполненных в

чуть более сильном рельефе, образующем как бы обрамляющую всю фигуру рамку (высота стелы 1,11 м, ширина 0,65 м). Сравнивая это надгробие с тиритакскими «менгирами», она относит плиту с примитивным изображением мужской и женской фигур к значительно более поздней эпохе [Иванова, 1950, с. 247, рис. 10].

Систематическим изучением боспорских антропоморфных изваяний уже более сорока лет занимается Н.В. Молева, исследуя эти памятники в контексте общего развития культуры древнего мира (Ближнего Востока, минойской и древнегреческой цивилизаций, а также Северного Причерноморья). Как и рассмотренные стелы из Тиритаки и Киммерика, с нашей темой непосредственно связаны опубликованные ею три парные надгробия эллинистического времени из Нимфея и Горгиппии. На первой стеле, найденной в Нимфее и датированной III в. до н.э., в рельефном прямоугольном обрамлении изображены в плоском низком рельефе две фигуры – мужская и женская, расположенные вплотную друг к другу (рис. 7). Обе фигуры очень похожи, однако мужская – уже и выше, женская – шире и ниже. По своим пропорциям они напоминают поколенные статуи-полуфигуры. Головы изваяний круглые, шеи сравнительно длинные, заметно расширяющиеся книзу; плечи резко подняты вверх и заострены; туловища прямоугольные (высота известнякового надгробия 0,75 м, ширина 0,55 м) [Молева, 1999, с. 324, 325. № 23; 2012, с. 101. № 25].

Вторая нимфейская стела, также датируемая III в. до н.э., представляет собой известняковую плиту (высота 0,72 м, ширина 0,44 м) с рельефным изображением двух поколенных антропоморфных фигур, помещенных в небольшое углубление, ограниченное со всех сторон выпуклой рамкой (рис. 8). Обе фигуры выполнены в плоском низком рельефе и расположены вплотную друг к другу. Они имеют круглые головы на удлинённых шеях, резко переходящих в поднятые под острым углом плечи, и вертикальные прямые туловища. В нижней части стела заканчивается большим выступом-шипом для крепления в постаменте [Молева, 1999, с. 325. № 24; 2012, с. 102. № 26].

Парное антропоморфное надгробие из Горгиппии представлено в виде двух расположенных вплотную друг к другу одинаковых по форме гермообразных фигур, высеченных на одном блоке белого плотного известняка (рис. 9). Обе фигуры имеют одинаковые круглые головы с подчеркнутым плоским овалом лица и короткие шеи, плавно переходящие в немного скошенные плечи. Прямоугольные туловища разделяет линия глубокой вертикальной врезки. На боковых гранях сохранилась розовато-бежевая штукатурка со следами красной краски (высота надгробия 0,73 м, ширина 0,46 м). Памятник датирован второй половиной IV – III вв. до н.э. [Молева, 2012, с. 153. № 112].

Последним в ряду боспорских парных надгробий является найденное в Фанагории известняковое надгробие мужчины и женщины (рис. 10). Оно выполнено в виде прямоугольной плиты, увенчанной низким рельефным фронтоном (высота надгробия 0,68 м, ширина 0,64 м). В углубленном поле плиты изображены полуфигуры мужчины (справа от зрителя) и женщины (слева), имеющей несколько меньшие

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

размеры. Обе фигуры по стилю и технике выполнения приближаются к круглым статуям-полуфигурам, характерным для надгробных памятников Азиатского Боспора. Надгробие датировано II–I вв. до н.э. [Коровина, 1968, с. 101, ил. 4; 1987а, с. 195. № 130].

Выше были рассмотрены парные антропоморфные изваяния и надгробия эпохи бронзы и античного времени, найденные на Боспоре (рис. 5–10). Следует отметить, что памятники этого типа представляют собой редкое явление. Вероятно, ранее они были установлены на могилах супругов, будучи необходимой и важной частью ритуальной церемонии обряда их совместного захоронения (единовременного или разделенного по времени). Техника и стиль исполнения этих скульптур, схематическое изображение человека на антропоморфных стелах привели хорошо знакомую с этими памятниками исследовательницу к заключению, что они были созданы в смешанной среде греко-меото-синдского населения [Кобылина, 1956, с. 44]. По авторитетному мнению Н.В. Молевой, боспорские парные антропоморфные изображения позволяют сделать вывод о сильном консерватизме и необыкновенной живучести древнейших погребальных традиций в античный период [Молева, 2012, с. 60].

В культуре античного мира главная идея парного погребения наиболее полно была выражена, скорее всего, в памятниках погребальной скульптуры этрусков. В конце VI в. до н.э. был создан терракотовый саркофаг из Черветери, на крышке которого изображена супружеская чета (рис. 11). Перед нами муж и жена, которые полулежат на мягкой подстилке, опираясь левыми локтями на подушки, подняв головы и одинаково повернувшись к зрителю. Правой рукой мужчина обнял за плечи женщину, прижавшуюся своим левым плечом к его груди. В своем анализе известный искусствовед отмечает настроение покоя и умиротворенности, а также чувство глубокого внутреннего согласия супругов, переданное скульптором (рис. 12). Особое внимание в своем анализе он уделяет обобщенно трактованным крупным чертам умерших, смотрящих в одну сторону, их миндалевидным глазам, приподнятым в улыбке уголкам губ и, главное, общей просветленности их ликов [Соколов, 1990, с. 138–142, ил. 82, 83]. К сказанному можно добавить лишь одно слово о ясно выраженных в обеих фигурах этого выдающегося памятника чувстве достоинства и сознании благородства.

С особой полнотой и проникновенностью главная идея обряда парных погребений представлена в рельефе на крышке каменного саркофага IV в. до н.э. из Вульчи (рис. 13). На ней изображены не традиционные опирающиеся на локоть полулежащие фигуры, а муж и жена, возлежащие рядом и обнимающие друг друга за плечи. В сравнении с предшествующим временем трактовка их фигур более гармонична. Они показаны лежащими в естественных и спокойных позах, под одним, обрисовывающим их тела покрывалом, головы немного наклонены и повернуты одна к другой. На краю крышки этого гроба написано, что в нем похоронена Ратма Висна, жена Арнта Тетна. На торце саркофага изображена сцена путешествия в загробное царство: колесница с широким зонтом, в которую запряжены две неторопливо ша-

гающие лошади. На продольной стороне помещены фигуры десяти мужчин и женщин, идущих с музыкальными инструментами и чашами в руках [Соколов, 1990, с. 234–236, ил. 134, 135]. В фигурах и особенно в лицах обоих супругов, изображенных на крышке саркофага из Вульчи, с удивительной простотой отразилась предельно сосредоточенная, молитвенная забота о любимом человеке, духовная близость и растворение друг в друге, то состояние, которое можно определить только как совокупность совершенства.

В эллинистическое время, наряду с саркофагами из камня и обожженной глины, в погребальной практике этрусков получили широкое распространение терракотовые и алебастровые урны. На крышках двух урн из Перуджи и Вольтерры (рис. 14) показаны муж и жена в традиционных позах, встречающихся еще в века расцвета этрусского искусства. Размеры этих урн вынуждали скульпторов настолько искажать пропорции фигур, что они представляются неестественно короткими. Однако, допуская искажения в трактовке тел, в лицах мастера стремились к детальному воспроизведению внешности оригиналов, с предельным реализмом изображая их характерные черты и настроение. Хотя эти портреты чаще всего были меньше натуральной величины, в них звучали глубокие и разнообразные чувства: возвышенные или скорбные, иногда будничные, резкие и кажущиеся грубоватыми за счет своей простоты. Особенно заметно это в лицах умерших, называемых «супруги», изображенных возлежащими на крышке терракотовой урны III–II вв. до н.э. из музея Вольтерры, в которых вместе с целой гаммой чувств выражены, прежде всего, непреходящая любовь и абсолютная преданность друг другу [Соколов, 1990, с. 289–293, ил. 165].

Выше были рассмотрены каменные изваяния и надгробия Боспора, а также памятники погребальной скульптуры этрусков, в которых наиболее полно отразилась главная идея парного погребения (рис. 5–14). Круг этих памятников невелик. В противоположность ему практически невозможно учесть многочисленные надгробия, рельефы, стелы, терракоты, росписи гробниц и другие памятники, в которых изображены такие сюжеты, как «загробная трапеза», «погребальный пир», «сцена прощания», «священный брак», и другие действия, связанные с погребальными обрядами. В редких случаях они представляют собой изображения двух супругов. В подавляющем большинстве это многофигурные композиции, в которых более крупно выделены главные действующие лица – муж и жена, находящиеся в окружении двух-трех или нескольких родственников, детей, адорантов, где показаны виночерпии, слуги, музыканты, жертвенные животные и т.д. Эти памятники, исполненные иногда с высоким мастерством, подробно фиксируют погребальную церемонию, состав и порядок ритуальных действий во время похорон, однако главная идея или сущность этих обрядовых действий как бы постепенно растворяется, отходит на второй план и почти исчезает.

Одним из таких памятников является известняковое надгробие второй четверти – середины V в. до н.э. с изображением «загробной трапезы», происходящее с острова Кипр (рис. 15). Оно оформлено в виде эдикулы, на которой сверху помещена

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

фигура оберегающего могилу льва с обращенной к зрителю оскаленной мордой и закрученным хвостом. В прямоугольном (почти квадратном) пространстве эдикулы представлена погребальная трапеза с двумя традиционными для этой темы фигурами – полулежащего на левом боку мужчины и сидящей рядом с ним женщины, причем его босые ноги видны за ней в левом углу эдикулы. Оба супруга одеты в хитоны с короткими рукавами. Голова мужа увенчана венком, лицо широкое и округлое, обрамленное небольшой вьющейся бородкой. На лицах обоих супругов «архаическая» улыбка. Лицо жены, как и у мужа, округлое и полное, с такими же большими глазами. В правой руке мужчина держит фиалу, в левой, согнутой в локте и облокотившейся на подушки, – круглый плод. На ложе перед ним у ног женщины – еще два плода. Жена изображена в покрывале, ниспадающем с головы на плечи. На рельефе местами сохранились остатки красной краски (на фоне, на губах женщины и ее одежде). Особенно следует отметить высокое качество исполнения надгробия [Савельев, 1987, с. 38, 39. № 6].

Близкий в сюжетном плане, однако значительно отличающийся по композиции мраморный рельеф IV в. до н.э. с изображением «загробной трапезы» находится в ГМИИ им. А.С. Пушкина (рис. 16). Левая часть плиты утеряна. Верх рельефа оформлен в виде крыши с антефиксами, опирающейся на пилястры. На сохранившейся части рельефа представлена фигура полуобнаженного мужчины, возлежащего на левом боку и опирающегося согнутой левой рукой на изголовье ложа. В правой руке он держит фиалу. У его ног сидит женщина в хитоне и гиматии, накинута на голову. Перед ложем столик с яствами. Справа от столика маленькая фигурка обнаженного виночерпия, переливающего вино из меха в кратер. Символами хтонического характера сцены являются змея, извивающаяся справа от стола, и голова лошади в правом верхнем углу рельефа. Аналогичные по теме и сохранившиеся полностью памятники того же времени из Фив, а также мраморный рельеф, найденный в Анапе, удачно дополняют утраченную левую часть рельефа из ГМИИ. Согласно иконографии «загробного пира», в левой части рельефа изображались фигуры родственников и слуг, обращенных к возлежащему – героизированному умершему [Акимова, 1987, с. 43. № 9]. Позднее, в эллинистическое время, этот тип рельефов получил распространение в Западном, а затем и в Северном Причерноморье [Кругликова, 1962, с. 284–289]. В настоящее время мнение о принадлежности подобных рельефов культу героев и героизированных предков считается общепринятым, однако это мнение, с которым трудно не согласиться, представляется несколько обобщенно-упрощенным. Вместе с героизированным умершим перед зрителем предстают и оказавшиеся в трагической ситуации его близкие, прежде всего – жена.

В этом отношении заслуживают внимания две фрески конца IV – начала III вв. до н.э. гробницы Щитов из Тарквиний, на которых представлены похожие сцены «заупокойной трапезы». Композиция обеих росписей традиционна. На каждой справа от зрителя перед невысоким столиком с яствами возлежит этруск, рядом с ним слева сидит его жена. На одной фреске слева от ложа стоят два музыканта: кифаред и флей-

тист, на другой – слуга с опахалом. Первая роспись более живописна, вторая – более графична. Фреска с музыкантами представляет заупокойную трапезу супругов Велтур Велха и Ларт Велха, имена которых написаны рядом с изображениями (рис. 17). Опираясь левым локтем на подушку, Велтур положил правую руку на плечо сидящей рядом супруги. Лицо его задумчиво и печально. В широко раскрытых темных глазах Ларт отразились скорбь и ужас, глубокая обреченность и покорность, страх перед тайной смерти. По мнению Г.И. Соколова, такой конкретности в передаче внутреннего трепета и тревоги человека, расстающегося с близким, не знали древнегреческие мастера. В сравнении с лицом Ларт лицо женщины на другой фреске кажется менее эмоциональным. В росписи с музыкантами, где женщина охвачена страхом, мужчина кажется спокойнее; на другой фреске более встревоженным кажется мужчина, но чувства его, даже если предположить, что именно он усопший, выражены далеко не с такой силой, с какой выражены они у Ларт. Вполне возможно, что в обеих росписях рядом с умершим показан живой человек, как на греческих белофонных лекифах [Соколов, 1990, с. 277–280, ил. 158; Чубова, 1972, ил. 91].

Многое в нашей теме могут прояснить надгробные памятники Древней Греции, с удивительной силой отразившие жизнь и культуру античного мира. Одним из ранних изображений супружеской пары является стела из Хрисафы (540–530 гг. до н.э.). Будучи примером «восточного» подхода в изображении умерших, она показывает их восседающими на троне в образе двух богов. Мужчина изображен как бы «снаружи» рельефа, ближе к зрителю, женщина – «в глубине», на втором плане. Оба держат атрибуты: он – канфар с вином в поднятых и протянутых вперед руках, она – гранатовое яблоко в ладонях, опущенных на колени. Фронтальный лик мужчины с «архаической» улыбкой, обращенный к зрителю, говорит, что он является главным или ведущим героем ритуала. Женщина изображена в профиль. Положение ее на троне рядом с мужчиной как бы свидетельствует об уравнивании супругов перед лицом смерти. Обожествление умерших подчеркнуто их огромными размерами по сравнению с микроскопическими адорантами, стоящими с приношениями у их ног [Акимова, 2007а, с. 322, 323, ил. 274]. Следует отметить, что изображение на этой стеле по смыслу и символике далеко от нашей темы.

С завершением работ над скульптурным декором Парфенона в 430-е гг. до н.э. в Афинах возрождается изготовление мемориальных стел, прервавшееся в конце VI в. до н.э. Поначалу неровный художественный уровень их исполнения с приходом больших мастеров поднимается до высокого искусства. До наших дней сохранилось более четырех тысяч классических надгробных рельефов, найденных в Афинах и Аттике. Среди них, по мнению Л.И. Акимовой, нет ни одного, который не тронул бы сердце зрителя. По ее словам, аттическое надгробие – уникальный феномен в мировом погребальном искусстве. В IV в. до н.э., одновременно с падением гражданского пафоса и утратой идеалов, в надгробных стелах исчезают изображения героизированных предков и сюжетов, связанных с воинской славой. Главное место в мемориальной скульптуре поздних Афин занимают семейные сцены. Среди них

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

доминируют супружеские, в которых муж и жена, соединив руки, смотрят друг на друга безмолвным, всепонимающим взглядом. Иногда один из супругов сидит (чаще ушедший из жизни), другой стоит рядом и пристально смотрит на сидящего с любовью, грустью, надеждой на встречу и состраданием. На некоторых надгробиях имеется надпись ΧΑΙΡΕ, что означает и «здравствуй», и «прощай». «Порвалась связь времен», зритель явственно ощущает, что круг жизни размыкается, пространство распадается на мириады хаотически перемещающихся атомов [Акимова, 2007б, с. 248, 364].

В эпоху поздней классики семья являлась для греков самым священным понятием. Кроме жены и мужа, на погребальных рельефах появляются братья и сестры, дяди и тети, бабушки и дедушки, другие члены семьи, старые няни и воспитатели, домашние птицы, коты и собаки. Все выходят на прощальную встречу с умершим, все окружают его своим вниманием. Такая семейная сцена показана на мраморной стеле Дамасистраты из Афин, датируемой третьей четвертью IV в. до н.э. (рис. 18). Изображение дано на фоне увенчанного фронтоном строения, напоминающего святилище. На эпистоле фронтона обозначены имена умерших. Центральной фигурой композиции является величественная Дамасистрата, сидящая на троне. Подняв голову, она пристально вглядывается в лицо стоящего перед ней немолодого супруга. Стригиль в его опущенной левой руке говорит, что именно он тот персонаж, по смерти которого поставлена стела. Их взгляды направлены друг на друга, а руки соединились в пожатии. Время как бы остановилось. Между мужем и женой изображена женская фигура с тем же жестом скорби, что и у Дамасистраты. За спинкой ее трона стоит девушка, очевидно, дочь, которая смотрит на своего отца из-за спины матери. Судя по композиции стелы, умершим является мужчина, судя по надписи на фронтоне – женщина. Но скорее, это общая стела всей семьи, члены которой будут со временем похоронены на том же участке. Следует отметить, что на ряде поздних надгробий исчезает и символическая связь рук, и связь взглядов. Умершие и живые не вступают в контакт друг с другом – не потому, что пребывают в разных сферах, просто умершие отворачиваются от живых и как бы принципиально не смотрят на родных. При этом зритель словно заглядывает в реальный дом и становится участником потустороннего семейного совета – свидетелем загадочной встречи душ и очевидной невозможности их соединения [Акимова, 2007б, с. 364, 365, ил. 318].

Сюжет близкий или, во всяком случае, имеющий отношение к теме данной статьи, нашел отображение в искусстве малых форм. В одном из женских погребений кургана Большая Близница на Таманском полуострове (захоронение жрицы из склепа № 4) был найден набор из 28 (сохранилось 27) «карикатурных» терракот. Одна из статуэток этого комплекса, датируемая второй четвертью IV в. до н.э., изображает супругов, возлежащих на ложе (рис. 19). По мнению А.А. Передольской, рассматриваемая парная терракота больше всего напоминает традиционные группы супругов на крышках этрусских саркофагов и урн [Передольская, 1950, с. 261]. В ее толковании всего комплекса статуэток, основанном на интерпретации так называемого

Гомеровского гимна Деметре, группа супругов на ложе определена как «священный брак». Своеобразные особенности в характеристике обеих фигур – тучное немолдое женское тело, пожилой возраст мужчины, его головной убор в виде толстой жреческой повязки, венка и лент, а также атрибут в виде гранатового плода – побудили А.А. Передольскую сделать вывод, что в этой группе была выражена идея «священного брака», корнями своими уходившая еще в догреческий мир, в догреческую религию. Терракотовая группа супругов из Большой Близницы, по ее убеждению, должна воспроизводить один из древнейших обрядов какого-то земледельческого культа, возникшего в недрах еще родового общества [Передольская, 1950, с. 261–263; 1962, с. 68–70, рис. 25]. Следует отметить, что эта интерпретация не является единственной. Разделяя мнение А.А. Передольской, необходимо сказать, что ее истолкование комплекса статуэток из Большой Близницы, основанное на схеме, пусть даже такой прекрасной, как Гомеровский гимн Деметре, не может и не обязано быть исчерпывающим. Последний сюжет возвращает нас на Таманскую землю.

Парные погребения в курганах и могильниках Таманского полуострова были выявлены еще в XIX в., однако привлекли к себе внимание лишь в последнее время прежде всего благодаря масштабным исследованиям и выдающимся открытиям в могильниках Артющенко 2 и Волна 1. Оба памятника находятся в юго-западной части полуострова и относятся к наиболее ранним грунтовым могильникам на его территории. Некрополь Артющенко 2 исследуется Таманским отрядом Бугазской экспедиции ИИМК РАН под руководством С.В. Кашаева с 2003 г. Грунтовой могильник Волна 1 исследуется экспедицией ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур с 2015 г. и Сочинской экспедицией ИА РАН под руководством Р.А. Мимохода и П.С. Успенского с 2016 г. Хочу выразить благодарность своим коллегам за возможность ознакомиться с материалами исследований и использовать их в данной работе.

Первая публикация, посвященная парным погребениям Таманского полуострова, появилась в 2006 г. и была основана на материалах некрополя Артющенко 2 [Кашаев, 2006]. Она была вызвана интересом автора к захоронениям двух человек – мужчины и женщины, предположительно семейной пары. В небольшой статье было приведено описание пяти погребений (№ 7, 10, 21, 24, 25) и дан краткий анализ конструкции погребальных сооружений, инвентаря и деления его по принадлежности погребенным людям, наличия в керамическом комплексе лепных сосудов и довольно необычного признака – присутствия в погребениях скелета змеи и его связи с женским захоронением. В последовавших публикациях по могильнику Артющенко 2 был значительно расширен круг нарастающего по мере раскопок материала, а также подробно рассмотрены отдельные категории инвентаря: клинковое оружие, расписные сосуды и т.д. [Кашаев, 2009; 2010; 2011; Ворошилов, Кашаев, 2010].

В 2013 г. вышли две работы, посвященные парным погребениям античного времени в могильниках Таманского полуострова [Паромов, 2013а; 2013б]. Первая носила обзорный характер и имела своей целью собрать и представить читателю

явления были в полной мере присущи парным погребениям, составляя характерные особенности этого обряда в могильниках и курганах Таманского полуострова с самого раннего времени [Паромов, 2013а, с. 157–159; 2013б, с. 330, 331].

Краткий анализ сведений о парных погребениях некрополя Артюшенко 2, основанный на данных раскопок 2003–2015 гг., был опубликован в 2016 г. [Кашаев, 2016]. Всего на тот момент в могильнике было обнаружено 170 погребений. Выборка наиболее типичных, по словам автора, совместных захоронений мужчины и женщины или двух взрослых и с ними ребенка (3 случая) содержит 11 погребений, что составляет 6,5% от общего числа исследованных могил. Все погребения относятся к ранним и датируются V в. до н.э. (9) или концом V – началом IV вв. до н.э. (2). Все погребения ориентированы головой на восток или с небольшим отклонением к северу. В этих захоронениях чаще всего мужчина по возрасту немного старше женщины. Какой-то закономерности или закрепления места в могиле за мужчиной или женщиной зафиксировано не было. У каждого погребенного различается свой «основной» набор инвентаря (сосуды для еды, вина и питья). Наличие в могилах лепной керамики истолковано как косвенное указание на местное происхождение женщин; оружие у мужчин – как дополнение к «основному» набору инвентаря (с чем трудно согласиться в силу большого значения самого оружия, а также по причине распространенности положения оружия в могилу – 8 случаев из 11). У женщин в виде дополнения к «основному» набору названы зеркало и различные украшения (7 случаев из 11). Находки туалетных сосудов отмечены как при мужских, так и при женских захоронениях. В заключение вновь прозвучали главные моменты: о принадлежности этих погребений семейным парам, о богатстве инвентаря и греческом происхождении практически всех обнаруженных предметов, за исключением оружия и лепных сосудов [Кашаев, 2016, с. 173–175, 180].

Новые перспективы в изучении общей погребальной практики раннеантичного времени на Таманском полуострове открылись благодаря последним исследованиям грунтового могильника Волна 1. Начиная с 2015 г. на этом некрополе было раскопано не менее 1100 погребений, что выдвигает его в число наиболее представительных памятников всего Северного Причерноморья. В силу огромного количества находок и массы другой информации первые публикации по памятнику носят предварительный характер, отражая наиболее общие черты погребального обряда, наиболее яркие категории находок и уникальные артефакты [Цокур, 2016; Цокур, Селивантьев, Горболь, 2016; Цокур, Селивантьев, Шереметьева, 2016; Мимоход, Успенский, 2017; Мимоход, Сударев, Успенский, 2018].

В могильнике Волна 1 все захоронения были совершены по обряду ингумации. Наиболее многочисленны погребения в простых грунтовых ямах прямоугольной или овальной формы. Вторую группу составляли захоронения в сырцовых гробницах. В абсолютном большинстве могил скелеты лежали в вытянутой позе, на спине, черепом к востоку, иногда с небольшим отклонением к северу или югу, с вытянутыми руками и ногами; в некоторых случаях – на спине с подогнутыми

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

в коленях и разведенными в стороны ногами (так называемая поза всадника); еще реже – скорченно на правом или левом боку. В парных захоронениях скелеты лежали в вытянутом положении на спине рядом друг с другом. Инвентарь, иногда насчитывавший более 20 различных предметов, размещался преимущественно слева от погребенных. Сосуды устанавливались в одну линию вдоль южной стенки могилы, реже – в ногах или у головы умершего. Найденный инвентарь относился к разным категориям. Более 35% погребений содержали предметы наступательного вооружения: железные мечи и наконечники копий, бронзовые и железные наконечники стрел, железные ножи. Мечи, относящиеся к различным типам акинаков, в большинстве случаев находились в районе пояса, реже лежали у тела или у левой ноги погребенного; копья – вдоль северной стенки могильной ямы или сырцовой гробницы, острием к голове (к востоку). Найденные наконечники стрел делятся на несколько типов: бронзовые – трехгранные с выделенной втулкой или без нее; железные – трехгранные с выделенной втулкой, бронебойные и костяные пулевидные. Среди женских украшений встречены бронзовые и серебряные спиралевидные подвески с четырехгранными пирамидками-наконечниками, бронзовые серьги, несколько фигурных подвесок из желтого металла, бронзовые и железные перстни с щитком, бронзовые кольца, стеклянные и пастовые бусы [Цокур, 2016, с. 493–497; Мимоход, Успенский, 2017, с. 120–122].

Широкий интерес к исследованиям некрополя Волна 1 вызвало проведение в Институте археологии РАН 14 декабря 2018 г. специального семинара, посвященного результатам археологических работ 2015–2018 гг., а также научно-естественным исследованиям на памятнике (антропологическим, почвоведческим, микробиологическим, трассологическим и другим). Вполне естественно, что многие находки из могильника находятся на реставрации и в процессе научной обработки. Время фундаментальных публикаций материалов и исследований некрополя Волна 1 пока не наступило. Парные погребения из этого могильника еще не опубликованы и не стали предметом обсуждения. Тем не менее, некоторые сведения о них были любезно предоставлены авторами раскопок И.В. Цокур и Р.А. Мимоходом специально для этой статьи, за что приношу им особую благодарность. По сведениям И.В. Цокур, в 2015–2017 гг. в грунтовом могильнике Волна 1 ею было исследовано 396 погребений. Выборка парных погребений, к которым отнесены только совместные захоронения мужчины и женщины, насчитывает 26 могил, что составляет 6,6% от общего количества исследованных погребений. Большинство парных погребений относится к V в. до н.э. (из 13 погребений, исследованных в 2015–2016 гг., одно предварительно датировано VI в. до н.э., восемь – V в. до н.э. и четыре – IV в. до н.э.). В большинстве случаев (21 из 26) могильным сооружением являлась простая прямоугольная яма, в двух случаях – овальная яма и в трех – форма ямы не поддавалась определению. Все погребенные находились в вытянутой позе на спине и были ориентированы головой к востоку. Погребальный инвентарь (сосуды, оружие и другие предметы) по своему составу и размещению в могильной яме соответствовал приведенному выше обобщенному описанию погребального обряда могильника.

По сведениям Р.А. Мимохода, число парных погребений на участках некрополя Волна 1, исследованных под его руководством в 2017–2018 гг., достигло 32, что по отношению ко всем выявленным им погребениям составило около 8,8%. Большинство погребений (17) было совершено в сырцовых гробницах или так называемых склепах из грунтовых блоков, а также в простых грунтовых ямах: прямоугольных (6) и овальных (3). В нескольких случаях яма не прослеживалась (4), исключение составили два погребения: подкурганное и размещенное в катакомбе. Погребальные сооружения и сами погребенные были ориентированы преимущественно в восточном направлении (20), а также с незначительным отклонением к северу (6) или югу (2). Исключение составили три случая: северо-западная ориентация обоих погребенных; головой к юго-западу – одного и юго-востоку – другого, а также противоположная (головой к северу и головой к югу) их ориентация. В одном случае положение обоих погребенных не поддавалось определению.

В 19 парных погребениях мужчины были захоронены с оружием, что составляет около 60% от общего их числа. Этот высокий показатель поневоле обращает на себя внимание. Касаясь подобного явления в Тузлинском могильнике, М.И. Ростовцев писал: «Отличительной особенностью мужских погребений в Тузлинских некрополях является оружие, столько же мечи и копья, сколько типично скифские стрелы. Население, очевидно, сплошь вооружено, то есть живет все время начеку» [Ростовцев, 1925, с. 284]. Сейчас подобное предположение представляется слишком общим, однако и другое, более позднее высказывание по этому поводу, суммирующее общепринятое мнение, также достаточно неопределенно: «Историческая обстановка, сложившаяся в Синдике в конце VI – IV вв. до н.э., требовала вооружения если не поголовного, то значительного количества населения. Это, вероятно, способствовало тому, что обряд погребения с оружием получил в Тузлинском некрополе широкое распространение: 29% – на рубеже VI–V вв. до н.э. и 32% – в V–IV вв. до н.э.» [Сорокина, 1957, с. 21, 22]. Следует отметить, что оружие в могилах ранних некрополей, а также характерные черты погребального обряда этих захоронений на территории Азиатского Боспора сравнительно недавно стали предметом отдельного рассмотрения [Завойкин, Сударев, 2006; Паромов, 2011; 2013в]. В этих публикациях сведены данные о 84 погребениях, встреченных в восьми могильниках Азиатского Боспора (Артющенко 2, Тузла, Тирамба, Кротенко, Гермонасса, Кепы, Фанагория, Патрей). Их размещение свидетельствует о широком (практически повсеместном) распространении данного обряда в рассматриваемом регионе. Главной целью третьей из указанных выше публикаций являлось сравнение характерных особенностей обряда ранних погребений некрополей Тирамбы и Кеп, а также сопоставление их с синхронными меотскими могильниками у хутора им. Ленина и станицы Старокорсунской, исследованными Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко [Лимберис, Марченко, 2001]. Отличительной особенностью последних также было присутствие в них значительного числа мужских погребений с оружием тех же форм. В общее число рассматриваемых погребений вошло 29 могил (10 – из некрополя Тирамбы,

Ориентировка погребенных была установлена в 118 случаях. В 107 из них погребенные были уложены головой в восточный сектор: строго к востоку (58), с некоторым отклонением к северу (44) или югу (5). В 11 случаях была зафиксирована северная (4), юго-западная (2), южная (1) и различная – от западной до северо-северо-восточной (4) ориентировка [Население архаической Синдики, 2010, с. 192–196; Новичихин, 2006, с. 9].

В некрополе у хутора Рассвет было выявлено 18 парных погребений (№ 2, 4, 23, 28, 36, 45, 74, 79, 80, 82, 93, 100, 114, 125, 138, 142, 149, 157). Отметим, что еще две могилы (99 и 137) с «семейными» захоронениями (двое взрослых и ребенок) по сути относятся к той же категории. С учетом этого парные погребения составляют 11,25 или 12,5% от общего числа могил. Этот показатель вполне сопоставим с данными по могильнику Волна 1, немного отличаясь от них в большую сторону.

Необходимо отметить, что процентное отношение парных погребений к общему числу могил в любом некрополе носит условный характер, не отражая подлинного положения вещей. Если мы хотим приблизиться к реальной картине в некрополе у хутора Рассвет, нам следует исключить из общего числа могил детские погребения (74), предположительно детские (8) и неопределенные по характеру погребения (6). В итоге для сравнительного анализа останутся 72 погребения, включающие 20 парных (с «семейными») и 52 одиночных захоронения. Количественное соотношение захороненных в парных и одиночных погребениях с учетом того, что в парных лежали двое, составляло 40:52. В процентном выражении немного менее половины взрослых (43,5%) было захоронено в парных, а немного более половины (56,5%) – в одиночных погребениях. Эти цифры наглядно показывают истинное значение парных погребений.

В 17 погребениях некрополя у хутора Рассвет мужчины были захоронены с оружием (№ 23, 27, 29, 36, 49, 74, 80, 93, 100, 102, 124, 142, 144, 146, 149, 157, 160). В девяти случаях (23, 36, 74, 80, 93, 100, 142, 149, 157) это были парные погребения, что составляет около половины (45%) от общего их числа и сопоставимо с данными по могильнику Волна 1, приведенными выше. В сумме одиночные мужские захоронения с оружием и парные погребения (28 гробниц) составили наиболее представительную и богатую часть некрополя у хутора Рассвет, его, если можно так выразиться, главное содержание. Чтобы яснее представить реальную ситуацию, постараемся понять, какая часть мужских погребений имела оружие. Общее число мужских захоронений в могильнике складывается из останков 20 мужчин, найденных в парных погребениях, и половины из 52 одиночных взрослых погребений, как мужских, так и женских (эта цифра была установлена нами выше). В итоге мы можем предположить, что всего в некрополе находилось 46 мужских захоронений (20 + 52:2). Семнадцать из них в составе погребального инвентаря имели предметы вооружения, что составляет около 37% от общего числа. Это почти совпадает с показателем в могильнике Волна 1 – 35%.

Касаясь погребального инвентаря некрополя у хутора Рассвет, необходимо от-

рично (как солонки или в ритуальных целях) отбитые и заглаженные по сколу ножки чаш и вазочек. Простая гончарная посуда включала ойнохой, солонки, ковш и кубок [Население архаической Синдики, 2010, с. 204–208, 222–224]. Следует отметить, что найденные в десяти погребениях некрополя вазочки или чашечки на ножках (в семи случаях лепные и в трех – гончарные) представляют собой хорошо известный в рассматриваемое время тип небольшого сосуда, предназначенного для ритуальных целей. Аналогии им встречены в могильниках Прикубанья – у хутора им. Ленина и у станицы Старокорсунской, а на Таманском полуострове – в некрополе Тирамбы, где их присутствие символизирует собой сохранение местных культовых традиций [Зайцева, 1997, с. 41, 52]. Позднее, в V–I вв. до н.э., они широко распространились по всему Северному Причерноморью, став принадлежностью домашних алтарей и жертвенников.

Как и керамический комплекс, украшения, найденные в некрополе у хутора Рассвет, близки (некоторые типы идентичны) украшениям из раннеантичных могильников Таманского полуострова. Среди украшений наиболее многочисленны (31 экземпляр) бронзовые браслеты с разомкнутыми концами двух вариантов: 1) массивные браслеты, концы которых украшены рядами кольцевых нарезок, наклонных насечек и рядами треугольников, заполненных точками; 2) браслеты с коническими, реже цилиндрическими утолщениями на концах, покрытых кольцевой нарезкой; плоские торцы этих браслетов украшены гравированным крестом. Найденны также бронзовые и железные (2) разомкнутые браслеты, иногда имевшие утолщенные концы без гравировки, и два бронзовых – с каплевидными утолщениями на концах. Далее следуют бронзовые спиралевидные височные подвески в полтора оборота с пирамидками и шариками на концах; серебряные подвески-лунницы; бронзовые и серебряные литые серьги; бронзовые перстеньки с круглой в сечении шинкой, плоскими и выпуклыми листовидными щитками, украшенными гравированными изображениями, и наиболее многочисленные простые бронзовые (одно серебряное) колечки, которые были найдены как на правой, так и на левой руке погребенных. Бусы, в массе своей стеклянные (преимущественно синего цвета и глазчатые), были встречены в 12 погребениях. Среди них выделяются своей выразительностью шаровидная – из свинца, также шаровидная – из прозрачного горного хрусталя и янтарная. Раковины каури со срезанными спинками были выявлены преимущественно в детских погребениях (9 из 13), где они находились в количестве от 1 до 17 штук [Население архаической Синдики, 2010, с. 231–238].

Остановимся немного подробнее на бронзовых браслетах, украшенных гравированными крестами на торцах разъема (вариант 2). Подобные украшения, как следует из указанной публикации, кроме некрополя у хутора Рассвет, были встречены еще в нескольких могильниках района Анапы–Новороссийска: Воскресенском, Опытного хозяйства «Анапа», Владимировском и кургане 3 у станицы Раевской, где они найдены преимущественно в комплексах с материалами VI в. до н.э. К перечисленным выше некрополям следует добавить еще один важный памятник – раннеантичный

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

могильник Гермонассы, по крайней мере в двух погребениях которого также были найдены подобные браслеты с гравированными крестами на торцах разъема и коническими утолщениями, покрытыми кольцевой нарезкой, на концах [Гайдукевич, 1959, с. 158, 159, 165, 166, рис. 2. 1, 2]. Данное обстоятельство, как представляется, может указывать на прямые связи Нижнего Левобережья Кубани и Причерноморья с Таманским полуостровом, а также на определенное родство перечисленных памятников.

Принято считать, что изучаемые археологией древние погребения и погребальный обряд в целом представляют собой соединение трех главных составляющих: погребального сооружения, останков погребенного (под которыми понимается, прежде всего, общая поза погребенного) и погребального инвентаря [Смирнов, 1997, с. 41–71, 73–76]. Насколько это возможно, погребальный инвентарь и могильные сооружения раннеантичных (VI–V вв. до н.э.) некрополей Таманского полуострова и некоторых близких им памятников Нижнего Прикубанья и Причерноморья были рассмотрены выше. Вторая составляющая погребального обряда – общая поза погребенного – кажется настолько простой, что ее подлинное значение и вся важность как бы теряют вес. Следует несколько внимательнее присмотреться к этой стороне обряда и, прежде всего, к ориентировке погребенного. По мнению А.Н. Гея, много лет изучающего погребальную обрядность степных скотоводов Предкавказья и Северного Причерноморья раннего и среднего периодов бронзового века (III – начало II тысячелетия до н.э.), общая поза погребенного является наиболее важным, приоритетным нормативом погребальной обрядности, отказ от которого был просто немислим для исполнителей обряда. Этот вывод стал результатом анализа погребений новотиторовской культуры, а также преддонецкой, западноманычской и восточноманычской катакомбных культур, в погребальных памятниках которых, по сути, соблюдалось одно и то же обрядовое правило – движение на запад. Это правило, выраженное различными способами, не могло быть нарушено чередой изменений, отмеченных признаками преемственности, что было возможно, прежде всего, в среде генетически связанных между собой разновременных культурных групп [Гей, 1999, с. 100, 110]. В отличие от погребений эпохи бронзы, где обрядом руководила простая в исполнении идея «правильного» размещения трех погребенных в могиле, символизирующей жилую повозку, в рассматриваемых нами могильниках Таманского полуострова и некрополе у хутора Рассвет ситуация выглядит проще. Здесь ничто не препятствовало исполнителям обряда, следуя общей норме, помещать умерших в могилы в вытянутой позе на спине, головой к востоку. Этот обычай получил самое широкое распространение, был устойчив на протяжении долгого времени и может служить дополнительным свидетельством в пользу генетической близости названных памятников.

Парные погребения раннеантичных могильников Таманского полуострова и некрополя у хутора Рассвет, на первый взгляд, ничем не отличаются от находящихся рядом одиночных захоронений. Парные погребения совершались в тех же земляных

и сырцовых гробницах, в тех же позах и с тем же погребальным инвентарем. Однако они несли в себе иное, более глубокое и богатое содержание, которое непросто выразить. В своей книге о морфологии преднамеренного погребения Ю.А. Смирнов говорит, что, занимаясь материальными остатками жизнедеятельности человеческих обществ, он уделял больше внимания «вещной» стороне вопроса, из-за чего другая сторона – духовная – осталась в его труде недостаточно освещенной [Смирнов, 1997, с. 7]. Именно в этой области заключено, вероятно, подлинное богатство парных погребений, образы которых окутаны любовью и покоем, достойным несением общего бремени жизни, радостью и милосердием. Благодаря любезному разрешению автора раскопок И.В. Цокур, в данной статье мы можем продемонстрировать в виде примера три первых по списку парных погребения (№ 24, 82, 83) из грунтового могильника Волна 1.

Погребение 24 (рис. 20). Было совершено в прямоугольной яме с закругленными углами, имевшей размеры 2,20 x 1,34 м, заглубленной в слой материковой глины-белоглазки и ориентированной в широтном направлении. Стенки ямы вертикальные, прослежены на высоту 0,09–0,22 м, дно практически ровное, с небольшим повышением к западу, было открыто на глубине 0,57 м от дневной поверхности. На дне ямы черепами к востоку, в вытянутой позе на спине лежали рядом два скелета – мужской и женский, принадлежавшие взрослым людям в возрасте от 35 до 45 лет. Мужской скелет был расположен с южной стороны. По правую руку от него находился женский. Погребенные были уложены вплотную друг к другу. Головы их соприкасались и были немного повернуты одна к другой. Сохранность скелетов средняя, кости представлены не полностью. Погребальный инвентарь составляли: железный меч-акинак (5) с антенным навершием и бабочковидным перекрестием, лежавший поперек бедер мужчины, от правой руки к левому колену; копье (1), положенное вдоль северной стенки ямы (железный наконечник его найден в северо-восточном углу, за головами погребенных); два трехлопастных втульчатых наконечника стрел (2) – бронзовый и железный – под правым плечом мужчины; оселок (7) – у его правого колена, снаружи; два фрагмента железного ножа (3) – у левой бедренной кости мужского скелета и между его левым предплечьем и южной стенкой ямы. Там же, у южной стенки ямы, находились сосуды: гончарная красноглиняная миска (4) – около средней части стенки, напротив левой бедренной кости мужского скелета; гончарная красноглиняная столовая амфора (6) – в юго-западном углу ямы. Предварительная датировка погребения – V в. до н.э. [Цокур, 2015–2016, с. 65–68, рис. 213].

Погребение 82 (рис. 21). Было совершено в прямоугольной яме с закругленными углами, имевшей размеры 2,40 x 1,68 м, заглубленной в слой материковой глины-белоглазки и ориентированной в широтном направлении. Стенки ямы вертикальны, прослежены на высоту 0,11–0,14 м, дно ровное с незначительным повышением к западу, было открыто на глубине 0,81 м от дневной поверхности. На дне ямы черепами к востоку, в вытянутой позе на спине лежали рядом два скелета. Один из них принадлежал мужчине в возрасте от 35 до 45 лет и был расположен с южной стороны.

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

По правую руку от него находился скелет женщины 25–40 лет. Женский череп был немного склонен направо и лицевой частью повернут в северо-западную сторону, мужской наклонен вперед. Правая рука мужчины от плеча до кисти находилась рядом с левой рукой женщины. Сохранность скелетов средняя, кости представлены не полностью, некоторые – в виде костного тлена. Погребальный инвентарь составили: железный четырехгранный черешковый наконечник стрелы (3), найденный в верхней части левых ребер мужского скелета; фрагменты железного ножа (4) – у шейки его правой бедренной кости; два оселка (1) – на правом плече женского скелета; фрагменты лепной красноглиняной солонки (2) – между черепом и правым плечом мужского скелета; сероглиняное пряслице конической формы (5) – с внутренней стороны левой бедренной кости мужского скелета. В юго-западной части могильной ямы слева от погребенного мужчины были размещены пять сосудов, стоявших на одной линии в следующем порядке: красноглиняная гончарная чаша (6) – у левого колена, со стороны южной стенки ямы; следом за ней светлоглиняный гончарный лекиф (7) и сероглиняный гончарный кувшин (8) – на уровне отсутствующей левой стопы; далее, ближе к западной стенке ямы, – красноглиняный гончарный кувшин (10) и чернолаковая солонка полусферической формы (9). Предварительная датировка погребения VI в. до н.э. [Цокур, 2015–2016, с. 162–165, рис. 673].

Погребение 83 (рис. 22). Было совершено в яме, близкой к овальной по форме, имевшей размеры 2,33 x 1,39 м, заглубленной в слой материковой глины-белоглазки и ориентированной в широтном направлении (с незначительным отклонением восточной части к югу). Стенки ямы вертикальны, прослежены на высоту 0,10–0,19 м. Дно ровное, было открыто на глубине 0,98 м от дневной поверхности. На дне ямы черепами к востоку, в вытянутой позе, на спине лежали рядом два скелета. Один из них принадлежал мужчине в возрасте от 35 до 45 лет и был расположен с южной стороны. По правую руку от него находился скелет женщины 25–45 лет. При погребении они были уложены вплотную друг к другу. Оба черепа были одинаково наклонены вперед. Кости левой руки женского скелета и правой руки мужского, а также кости левой ноги женского и правой ноги мужского скелета образуют одну общую линию. При этом кости ног обоих скелетов почти полностью вытянуты, в коленях они были чуть согнуты, от чего немного разошлись в стороны. Сохранность скелетов средняя, кости представлены не полностью, некоторые – в виде костного тлена. Заслуживает внимания состав и размещение погребального инвентаря, включавшего предметы вооружения, домашнего ремесла и ряд сосудов для пищи, питья, умощения, а также, возможно, культовых действий. Железный меч-акинак с прямой рукоятью и бабочковидным перекрестием, принадлежавший мужчине, лежал по диагонали: рукоять находилась на правом бедре, а острие было направлено к левому колену. Весь инвентарь (кроме меча) был размещен слева от погребенных и расположен по одной линии в 0,15–0,25 м от южной стенки ямы в следующем порядке (от головы к ногам): красноглиняная гончарная ойнохоя (1) – напротив левой плечевой кости мужского скелета; следом за ней, напротив локтя, – красноглиняный лекиф грушевидной фор-

мы (2) и дно чернолакового килика (3); далее, напротив бедра, – красноглиняная гончарная миска (5); между миской и левой бедренной костью – коричневоглиняное пряслице конической формы (4); за миской, ближе к колену, – чернолаковый скифос колоколовидной формы (6); за скифосом, напротив колена, – вторая красноглиняная гончарная миска (8); далее, ближе к западной стенке ямы, на уровне отсутствующей левой стопы, – трехлопастный втульчатый железный наконечник стрелы (9) и чернолаковая солонка (10); рядом с солонкой, ближе к углу ямы, – амфориск из финикийского стекла (11). Предварительная датировка погребения – V в. до н.э. [Цокур, 2015–2016, с. 165–169, рис. 684].

Одним из первых возникает вопрос о месте и значении парных погребений в могильнике Волна 1. В начале разговора о нем было отмечено, что парные погребения составляют там предположительно от 6,6 до 8,8 % от общего числа могил. Эти цифры условны и, как было подчеркнуто нами выше, не отражают реальной картины. Чтобы приблизиться к ней, необходимо исключить захоронения детей и младенцев, а также разрушенные и не поддающиеся определению могилы. В итоге увидим, что не менее четверти или трети взрослых мужчин и женщин, погребенных в могильнике, находилось в парных погребениях. Это значительная часть дееспособного населения, представленного в некрополе Волна 1. Описанные выше три погребения выглядят сравнительно скромно, однако вместе с материалами из первых публикаций о могильнике и докладами на семинаре о богатых захоронениях и находках они убедительно демонстрируют характерные особенности погребального обряда и то, что в этих парных захоронениях были погребены те, кого принято называть «лучшие люди» или «цвет общества».

Второй не менее важный вопрос – кем они были? Об этом написано много. Приведем одно из наиболее авторитетных высказываний. Основываясь на большой роли культа Деметры в боспорских городах, В.Д. Блаватский предполагал, что со времени основания здесь полисов значительная часть населения городов занималась земледелием. По его мнению, хлебопашеством в VI–V вв. до н.э. занимались преимущественно земледельцы типа Гесиодовых крестьян, которые сами пахали и вместе с тем пользовались трудом принадлежавших им немногочисленных рабов [Блаватский, 1953, с. 167, 168]. В этом высказывании содержится серьезное противоречие: Гесиодов земледelec жил не в городе, а на земле. Правильнее сказать, он жил вместе с землей, неотрывно от нее. Подходя к этой важной теме со своих позиций, известный ученый-этолог В.Р. Дольник пишет, что земледелие (и животноводство) приводит человека к закономерной необходимости обрабатывать землю индивидуально, а жить – на своем участке, в парном браке, дающем сыновей – наследников и продолжателей заботы о хозяйстве. По его мнению, эти истины были понятны еще античным агрономам, рассматривающим сельское хозяйство как взаимодействие живого с живым, когда люди проявляют столь необходимую земле и животным заботливую любовь, а успех приходит как благодарная реакция живого на их усилия. Еще в то время они заключили, что наибольших успехов достигает

степных скотоводов Предкавказья в среднем бронзовом веке говорят, что уже в ту далекую эпоху свидетельства парности двойных погребений взрослых позволяют предполагать нормативность парного брака, что, в свою очередь, делает вероятным существование нуклеарной (малой) семьи [Андреева, 2005, с. 85].

Возвращаясь к аксиоме В.Р. Дольника о земледельце, живущем в парном браке на своем участке и обрабатывающем его с семьей, можно сказать, что этому образу среди археологических реалий Таманского полуострова в раннеантичное время наиболее всего соответствуют парные погребения, подобные рассмотренным выше, в каждом из которых были захоронены крестьянин типа Гесиодовых, занимавшийся хлебопашеством, и его супруга, совместными усилиями производившие боспорскую пшеницу, с самого раннего времени приобретающуюся древнегреческими центрами. В инвентаре погребений в большом количестве представлена дорогая расписная и чернолаковая ионийская, коринфская и аттическая керамика, женские украшения и тарные амфоры (из-под вина и оливкового масла), которыми оплачивался вывозимый с Боспора хлеб. Дополнительным аргументом в пользу сказанного выше могут быть данные анализа следов античного межевания, согласно которым средний земельный надел на хоре Азиатского Боспора мог составлять от 4,5 до 10 га – это был надел одного хозяина, одной малой семьи, занимавшейся его возделыванием [Паромов, 2000, с. 317].

Как уже отмечалось, обряд парных погребений существовал на Таманском полуострове на протяжении почти всей античной эпохи, от раннеантичного (VI–V вв. до н.э.) до римского (I–III вв. н.э.) периода. Захоронения совершались в характерных для своего времени простых и перекрытых деревом ямах, сырцовых гробницах, земляных склепах, каменных ящиках, гробницах и склепах (выявлен один). Разнообразие погребальных сооружений никак не влияло на сам обряд: поза погребенных, их ориентировка, инвентарь захоронений (по своему характеру) в общем оставались теми же. Вместе с тем нельзя не сказать, что обряд во всех деталях представлял застывшее явление. Парные погребения, как и другие погребения таманских могильников, подчинялись некоторым общим закономерностям. Более всего это относится к составу и типам вещей, сопровождавших погребенных. Оружие, присутствовавшее почти во всех ранних погребениях до рубежа V–IV вв. или до начала IV в. до н.э., повсеместно исчезло из могильников вплоть до римского времени. Одни формы сосудов с течением времени сменялись другими: ойнохой, характерные для раннеантичного времени, в эллинистический период сменились пеликами и лагиносами; в IV в. до н.э. в инвентаре погребений появились сетчатые лекифы, сменившие алабастры и амфориски из финикийского стекла, а в эллинистическое время – глиняные унгентарии. Обычай снабжать погребенных монетой («оболом Харона») появился в могильниках Таманского полуострова в IV в. до н.э., широко распространился с середины или третьей четверти этого столетия и в дальнейшем не исчезал вплоть до средневековья [Паромов, 2013а, с. 25–27; 2013б, с. 4–6].

В эллинистический период обряд парных погребений на Таманском

(с дымчатым халцедоном; с щитком в форме сандалии, украшенный гранатами и стеклом, с дарственной надписью «Гестией – Маммии»; с выпуклым овальным гранатом; с камеей, изображающей Эрота, ловящего бабочку Психею; со вставкой в виде необработанного кусочка железа); на правой руке – два золотых перстня (один – в виде свернувшейся в спираль змеи, второй – массивный литой в виде кольца). Вдоль всего скелета найдены золотые нити от одежды или покрывала. С «женской» стороны у стены склепа был расставлен серебряный сервиз из девяти предметов (канфар с растительным орнаментом, фематерий-курильница, две чаши, пиксида, кувшинчик, два черпака-киафа со звериными головками на концах ручек и ложечка), там же найдены два серебряных веретена и палочка; в ногах – бронзовое зеркало с крышкой, на которой изображена Сцилла, бронзовый светильник с вытянутым рожком и ручкой в виде гераклового узла, футляр-ладанка, кусок кожаной плетенки, небольшая стеклянная пластина овальной формы, расписная глиняная амфора и простой унгентарий. В преддверии с «женской» стороны были найдены: бронзовая позолоченная чаша, бронзовая ухвертка, семь керамических сосудов (чернолаковые чаша и пиксида без крышки, расписная амфора, лагинос и три унгентария). В погребении найдены также серебряные ситечко и киаф, разрозненные кусочки листового золота. Захоронение датировано М.И. Максимовой 140–125 гг. до н.э. [ОАК 1878–1879, с. XLVI–XLVIII; Ростовцев, 1925, с. 274; Максимова, 1979, с. 7–9, 11–22; Паромов, 2003, с. 243, 244; 2013а, с. 155, 156].

Второе парное захоронение («гробница III») было найдено в каменном ящике – «гробнице, внутри тщательно оштукатуренной и выбеленной, сложенной из больших тесаных известняковых плит. В двух продольных стенах ее, северной и южной, у изголовья каждого из двух покойников находилась небольшая полукруглая ниша». Гробница имела примерно те же размеры, что и погребальная камера первого склепа и была ориентирована по направлению ЮЗ–СВ. В ней на земляном полу в вытянутой позе, на спине, черепами к востоку лежали два скелета – мужской и женский (первый – ближе к северной стенке, второй – к южной). Как и в склепе, покойники были положены в парадных одеяниях. Голова мужчины была увенчана золотым венком, на левой руке найден железный перстень с железной вставкой в жуковине. В нише у головы лежали обрывки тонкого листового золота. При мужчине найдены железные стригиль и нож, чернолаковый реберчатый стамнос с крышкой, гидрия с ручкой в виде фигуры Приапа и расписная крышка леканы с орехами.

Голова женщины была украшена золотым венком. На шее найдены золотое ожерелье в виде мелкой цепочки с застежками в форме львиных грифонов и два (или три) ожерелья из сердоликовых и других каменных и стеклянных бус; в ушах – пара серег в виде розеток с подвесками: литыми, массивными фигурками Эротов; на левой руке – два перстня: золотой массивный с изображением Геракла и железный с железной вставкой в жуковине. В нише у головы стоял серебряный канфар с растительным орнаментом, на гвозде, вбитом в стену, висела меховая повязка. При женщине найдены серебряный унгентарий, бронзовое позолоченное зеркало из

и золотых статеров, символизирующих «обол Харона» (первое погребение). На местные традиции, кроме богатства, выразившегося более всего в многочисленных золотых украшениях и очень редких серебряных сосудах, указывают найденные в обоих погребениях орехи – символ заупокойной пищи, серебряная пряжка – важная деталь варварской одежды (первое погребение) и железный нож (второе погребение). Некоторые находки свидетельствуют о местных и греческих традициях одновременно. К ним относятся не встречающиеся нигде, кроме Боспора, золотые и железные перстни со вставками из необработанного куса железа, найденные в обоих погребениях и у мужчин, и у женщин (золотые перстни – в первом погребении, железные – во втором), интерпретируемые как талисманы [Максимова, 1979, с. 21, 39, 66]. Однако они могли иметь и более важное значение. У всех погребенных перстни были надеты на безымянный палец левой руки – там, где, по свидетельству Авла Гелия, приводимому Плутархом [Застольные беседы. Книга четвертая. Вопрос VIII], было принято носить кольца с печатями: «... древние греки носили кольцо на ближайшем к мизинцу пальце левой руки. Причина этого та, что от одного этого пальца отходит и достигает сердца некий тончайший нерв; поэтому и было признано уместным почитать таким украшением этот палец, как ближайшим образом причастный к первенствующему в теле сердцу». Таким образом, сами перстни с железными вставками символизировали местную боспорскую традицию, а способ их ношения – греческую. Поиски источников этого обычая приводят нас на Кавказ, где культ железа существовал у всех народов с глубокой древности. Железному кольцу приписывалась способность обеспечивать силу, крепость, здоровье. Оно оберегало от сглаза, злого духа, молнии и т.д. По этнографическим данным, в Нагорном Карабахе девушки носили на среднем пальце левой руки изготовленное в особый день «заколдованное» железное кольцо, ограждавшее их от злого духа. В других местах такие кольца носили мужчины и мальчики [Чурсин, 1927, с. 81–84].

Описывая обряд парных погребений Артюховского кургана и выделяя в нем главное, М.И. Максимова противопоставляла его погребальному обряду знаменитых скифских курганов (Карагодеуашха, Чертомлыка, Куль-Обы), где захороненные с мужчинами женщины находились в приниженном и подчиненном положении по отношению к их повелителям. В противоположность этому в парных погребениях Артюховского кургана все говорит о равном положении обоих умерших при жизни и одинаковом почете, оказываемом им после смерти. Они покоились рядом, как на супружеском ложе; головы женщин, как и головы мужчин, были увенчаны золотыми венками; на руках они носили одинаковые перстни-амулеты. По количеству украшений и предметов обихода при погребении женщины имели значительное преимущество перед похороненными вместе с ними мужчинами. В каменном склепе (II) и гробнице (III) Артюховского кургана находились захоронения супругов, погребенных по взаимному уговору в одной, заранее построенной с этой целью гробнице [Максимова, 1979, с. 15]. Близкое подобие этих могил по многим деталям обряда и погребального инвентаря может свидетельствовать о принадлежности погребен-

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

ных к одной знатной семье, представителями двух ветвей которой (условно говоря, «старшей» и «младшей») они, вероятно, являлись.

Парные погребения Артюховского кургана вобрали в себя многие местные и греческие традиции, переплетение и взаимопроникновение которых образовало удивительный обряд. Он сохранил от раннеантичного времени свое главное качество – уважение к женщине, доведя эту не свойственную греческой культуре черту в могилах Артюховского кургана до совершенства и продемонстрировав таким образом своего рода идеал обряда парных погребений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова Л.И.* Рельеф с изображением «загробной трапезы» // Античная скульптура из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1987. М. С. 43.
- Акимова Л.И.* Искусство Древней Греции: геометрика, архаика. 2007а. СПб.
- Акимова Л.И.* Искусство Древней Греции: классика. 2007б. СПб.
- Андреева М.В.* Синхронные совместные погребения восточноманьчжурской катакомбной культуры как источник палеосоциальных реконструкций // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. 2005. М. С. 69–94.
- Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. 1953. М.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Клинковое оружие из некрополя Артющенко 2 // ДБ. Т. 14. 2010. С. 66–87.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. 1949. М.–Л.
- Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. № 69. 1959. С. 154–238.
- Гайдукевич В.Ф. и Капошина С.И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. Т. XV. 1951. С. 162–187.
- Галанина Л.К.* Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп. 1989. С. 74–102.
- Гей А.Н.* О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. 1999. М. С. 78–113.
- Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы. 2016. СПб. –М.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // ДБ. Т. 9. 2006. С. 101–151.
- Зайцева К.И.* Культовые чаши V–I вв. до н.э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. Т. XXVIII. 1997. С. 38–53.
- Иванова А.П.* Боспорские антропоморфные надгробия // СА. Т. XIII. 1950. С. 239–254.
- Кастанаян Е.Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. № 69. 1959. С. 257–295.
- Кашаев С.В.* Коллективные погребения V–IV вв. до н.э. в некрополе Артющенко 2 // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Материалы. 2006. Сухум. С. 180–186.
- Кашаев С.В.* Некрополь Артющенко 2 // БИ. Вып. XXII. 2009. Симферополь–Керчь. С. 188–267.
- Кашаев С.В.* Исследования некрополя Артющенко 2 в 2007–2008 гг. // СΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1. 2010. М. –Киев. С. 88–96.
- Кашаев С.В.* Серия расписных сосудов из раскопок некрополя Артющенко 2 // Записки ИИМК РАН. № 6. 2011. С. 166–174.
- Кашаев С.В.* Парные погребения в некрополе Артющенко 2 // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного «круглого стола». 2016. СПб. С. 173–181.
- Книпович Т.Н., Славин Л.М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. № 4. 1941. С. 37–60.
- Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. № 57. 1956. С. 5–101.
- Коровина А.К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. № 2. 1957. С. 174–187.

Боспорские исследования, вып. XXXVIII

- Коровина А.К.* Группа надгробных стел Таманского полуострова // СГМИИ. Вып. IV. 1968. С. 100–109.
- Коровина А.К.* Скульптура Боспора // Античная скульптура из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1987а. М. С. 181–218.
- Коровина А.К.* Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965) // СГМИИ. Вып. VIII. 1987б. С. 71–109.
- Коровина А.К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. Вып. VIII. 1987в. С. 3–70.
- Кругликова И.Т.* Мраморный рельеф из Анапы // СА. № 1. 1962. С. 282–289.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // МИАК. Вып. 1. 2001. С. 32–123.
- Максимова М.И.* Артюховский курган. 1979. Л.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4. 1964.
- Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С.* Некрополь Волна 1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. 2018. М. С. 220–231.
- Мимоход Р.А., Успенский П.С.* Античность Тамани и средний бронзовый век на юге Среднего Подонья // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19. 2017. М. С. 120–125.
- Молева Н.В.* Антропоморфные памятники из некрополя Нимфея // Некрополь Нимфея. Н.Л. Грач. 1999. СПб. С. 315–328.
- Молева Н.В.* Боспорские антропоморфные изваяния. Нижний Новгород. Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет // Некрополи Черноморья III. 2012. М.
- Новичихин А.М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). 2006. Анапа.
- ОАК за 1878 и 1879 годы. СПб. 1881.
- Паромов Я.М.* О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. № 7. 2000. С. 309–319.
- Паромов Я.М.* Курганный некрополь Кеп // ДБ. Т. 6. 2003. С. 239–265.
- Паромов Я.М.* Ранние погребения с оружием в могильниках Таманского полуострова // БФ: Население, языки, контакты. 2011. СПб. С. 299–304.
- Паромов Я.М.* Парные погребения античного времени в могильниках Таманского полуострова // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. 2013а. Ростов-на-Дону. С. 149–160.
- Паромов Я.М.* Характерные особенности обряда парных погребений античного времени на Таманском полуострове // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. 2013б. Краснодар. С. 328–332.
- Паромов Я.М.* Характерные черты погребального обряда раннеантичных могильников Таманского полуострова // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. 2013в. СПб. С. 67–72.
- Паромов Я.М.* Особенности обряда парных погребений из Артюховского кургана // XIX БЧ. 2018. Симферополь–Керчь. С. 365–370.
- Передольская А.А.* О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница // СА. Т. XIII. 1950. С. 255–271.
- Передольская А.А.* Терракоты из кургана Большая Близница и Гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. Т. VII. 1962. С. 46–92.
- Плутарх.* Застольные беседы // Литературные памятники. Л. 1990.
- Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на Юге России. 1918. Пг.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. 1925. Л.
- Савельев Ю.А.* Надгробие с изображением «загробной трапезы» // Античная скульптура из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1987. М. С. 38, 39.
- Семенов В.А.* Первобытное искусство: Каменный век. Бронзовый век. 2008. СПб.
- Смирнов Ю.А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. 1997. М.

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

- Соколов Г.И. Искусство этрусков. 1990. М.
Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. № 33. 1954. С. 123–196.
Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. 1957. М.
Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 годах // КСИА. Вып. 83. 1961. С. 46–52.
Цветашева Г.А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. № 19. 1951. С. 63–86.
Цокур И.В. Отчет об итогах охранно-спасательных работ на грунтовой могильнике Волна 1: Архив ИА РАН. Р-1. № 50661–50670. 2015–2016.
Цокур И.В. Грунтовой могильник Волна 1 // ДБ. Т. 20. 2016. С. 493–500.
Цокур И.В., Селивантьев О.Н., Горболь Н.Ю. Мечи-акинаки из грунтовой могильника Волна 1 (Темрюкский район Краснодарского края) // ХХІХ Крупновские чтения. 2016. Грозный. С. 119, 120.
Цокур И.В., Селивантьев О.Н., Шереметьева Н.А. Грунтовой могильник Волна 1 // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепроводов. Материалы археологической научной конференции. 2016. Краснодар. С. 118–130.
Чубова А.П. Этруское искусство. 1972. М.
Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов // Известия Кавказского историко-археологического института. Т. VI. 1927. Тифлис. С. 67–106.
Шабуб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). 2007. СПб.

REFERENCES

- Akimova L.I. Rel'ef s izobrazheniem "zagrobnoi trapezy" // *Antichnaia skul'ptura iz sobraniia GMII im. A.S. Pushkina*. 1987. М. P. 43.
Akimova L.I. *Iskusstvo Drevnei Gretsii: Geometrika, arkhaiika*. 2007a. SPb.
Akimova L.I. *Iskusstvo Drevnei Gretsii: Klassika* 2007b. SPb.
Andreeva M.V. Sinkhronnye sovместnye pogrebeniia vostochnomanychskoi katakombnoi kul'tury kak istochnik paleosotsial'nykh rekonstruktsii // *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii*. Vyp. 4. 2005. М., pp. 69–94.
Blavatsky V.D. *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia*. 1953. М.
Chubova A.P. *Etruskoe iskusstvo*. 1972. М.
Chursin G.F. Kul't zheleza u kavkazskikh narodov // *Izvestiia Kavkazskogo istoriko-arkheologicheskogo instituta*. Т. VI. 1927. Tiflis, pp. 67–106.
Dol'nik V.R. *Neposlushnoe ditia biosfery*. 2016. SPb. –М.
Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo*. 1949. М.–L.
Gaidukevich V.F. Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov // *MIA*. № 69. 1959, pp. 154–238.
Gaidukevich V.F. I Kaposhina S.I. K voprosu o mestnykh elementakh v kul'ture antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia // *CA*. Т. XV. 1951, pp. 162–187.
Galanina L.K. Novye pogrebal'nye komplekсы rannemeotskogo vremeni iz Kelermesskogo gruntovogo mogil'nika // *Meoty – predki adygov*. 1989. Maikop, pp. 74–102.
Gei A.N. O nekotorykh simvolicheskikh momentakh pogrebal'noi obriadnosti stepnykh skotovodov Predkavkaz'ia v epokhu bronzy // *Pogrebal'nyi obriad: rekonstruktsiia I interpretatsiia drevnikh ideologicheskikh predstavlenii*. 1999. М., pp. 78–113.
Ivanova A.P. Bosporskie antropomorfnye nadgrobii // *CA*. Т. XIII. 1950, pp. 239–254.
Kastanaian E.G. Gruntovye nekropoli bosporskikh gorodov VI–IV vv. do n.e. I mestnye ikh osobennosti // *MIA*. № 69. 1959, pp. 257–295.
Kashaev S.V. Kollektivnye pogrebeniia V–IV vv. do n.e. v nekropole Artiushchenko 2 // *Pervaia Abkhazskaia Mezhdunarodnaia arkheologicheskaiia konferentsiia: Materialy*. Sukhum. 2006, pp. 180–186.

Боспорские исследования, вып. XXXVIII

- Kashaev S.V. Nekropol' Artiushchenko 2 // *BI*. XXII. 2009. Simferopol'-Kerch', pp. 188–267.
- Kashaev S.V. Issledovaniia nekropolia Artiushchenko 2 v 2007–2008 gg. // *ΣΥΜΒΟΛΑ*. Vyp 1. 2010. M. – Kiev, pp. 88–96.
- Kashaev S.V. Seriiia raspisnykh sosudov iz raskopok nekropolia Artiushchenko 2 // *Zapiski IIMRK RAN*. № 6. 2011, pp. 166–174.
- Kashaev S.V. Parnye pogrebeniia v nekropole Artiushchenko 2 // *Elita Bospora I Bosporskaia elitarnaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo «kruglogo stola»*. 2016. SPb., pp. 173–181.
- Knipovich T.N., Slavin L.M. Raskopki iugo-zapadnoi chasti Tiritaki // *MIA*. № 4. 1941, pp. 37–60.
- Kobyliina M.M. Fanagoriia // *MIA*. № 57. 1956, pp. 5–101.
- Korovina A.K. K voprosu ob izuchenii Semibratnikh kurganov // *CA*. № 2. 1957, pp. 174–187.
- Korovina A.K. Gruppy nadgrobnnykh stel Tamanskogo poluostrova // *SGMII*. Vyp. IV. 1968, pp. 100–109.
- Korovina A.K. Skul'ptura Bospora // *Antichnaia skul'ptura iz sobraniia GMII im. A.S. Pushkina*. 1987a. M., pp. 181–218.
- Korovina A.K. Nekropol' Fanagorii (raskopki 1964-1965) // *SGMII*. Vyp. VIII. 1987b, pp. 71–109.
- Korovina A.K. Raskopki nekropolia Tiramby (1966-1970) // *SGMII*. Vyp. VIII. 1978v, pp. 3–70.
- Kruglikova I.T. Mramorni rel'ef iz Anapy // *SA*. № 1. 1962, pp. 282–289.
- Limberis N.Iu., Marchenko I.I. Pogrebeniia VI-V vv. do n.e. iz gruntovykh mogil'nikov meotskikh gorodishch Pravoberezh'ia Kubani // *MIAK*. Vyp. 1. 2001, pp. 32–123.
- Maksimova M.I. *Artiukhovskii kurgan*. 1979. L.
- Meliukova A.I. Vooruzhenie skifov // *SAI*. Vyp. D1-4. 1964.
- Mimokhod R.A., Sudarev N.I., Uspenskii P.S. Nekropol' Volna-1 (2017 Krasnodarskii kraii, Tamanskii poluostrov) // *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniia*. T. 25. 2018. M., pp. 220–231.
- Mimokhod R.A., Uspenskii P.S. Antichnost' Tamani I srednii bronzovyi vek na iuge Srednego Podon'ia // *Goroda, poseleniia, nekropoli. Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniia*. T. 19. 2017. M., pp. 120–125.
- Moleva N.V. Antropomorfnye pamiatniki iz nekropolia Nimfeia // *Nekropol' Nimfeia. N.L. Grach*. 1999. SPb., pp. 315–328.
- Moleva N.V. Bosporskie antropomorfnye izvaianiia. Nizhnii Novgorod. Naselenie arkhaischeskoi Sindiki. Po materialam nekropolia u khutora Rassvet // *Nekropoli Chernomor'ia III*. 2010. M.
- Novichikhin A.M. *Naselenie Zapadnogo Zakuban'ia v pervoi polovine I tysiacheletii do n.e. (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)*. 2006. Anapa.
- OAK za 1878 i 1879 gody. SPb. 1881.
- Paromov Ia.M. O zemel'nykh nadelakh antichnogo vremeni na Tamanskom poluostrove // *AB*. № 7. 2000, pp. 309–319.
- Paromov Ia.M. Kurgannyi nekropol' Kep // *DB*. T. 6. 2003, pp. 239–265.
- Paromov Ia.M. Rannie pogrebeniia antichnogo vremeni v mogil'nikakh Tamanskogo poluostrova // *BF: Naselenie, iazyki, kontakty*. 2011. SPb., pp. 299–304.
- Paromov Ia.M. Parnye pogrebeniia antichnogo vremeni v mogil'nikakh Tamanskogo poluostrova // *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 65-letiiu professor V.P. Kopylova*. 2013a. Rostov-na-Donu, pp. 149–160.
- Paromov Ia.M. Kharakternye osobennosti obriada parnykh pogrebenii antichnogo vremeni na Tamanskom poluostrove // *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia*. 2013b. Krasnodar, pp. 328–332.
- Paromov Ia.M. Kharakternye cherty pogrebal'nogo obriada ranneantichnykh mogil'nikov Tamanskogo poluostrova // *BF: Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke*. 2013v. SPb., pp. 67–72.
- Paromov Ia.M. Osobennosti obriada parnykh pogrebenii iz Artiukhovskogo kurgana // *XIX BCh*. 2018. Simferopol'-Kerch', pp. 365–370.
- Peredol'skaia A.A. O suzhetakh trekh terrakotovykh statuetok, naidennykh v kurgane Bol'shaia Bliznitsa // *SA*. T. XIII. 1950, pp. 255–271.

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

- Peredol'skaia A.A. Terrakoty iz kurgana Bol'shaia Bliznitsa i Gomerovskii gimn Demetre // *TGE*. T. VII. 1962. pp. 46–92.
- Plutarkh. Zastol'nye besedy // *Literaturnye pamiatniki*. 1990. L.
- Rostovtsev M.I. *Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii*. 1918.
- Rostovtsev M.I. *Skifiia i Bospor*. 1925. L.
- Savel'ev Iu.A. Nadgrobie s izobrazheniem "zagrobnoi trapezy" // *Antichnaia skul'ptura iz sobraniia GMI im. A.S. Pushkina*. 1987. M., pp. 38, 39.
- Semenov V.A. *Pervobytnoe iskusstvo: Kamennyi vek. Bronzovyi vek*. 2008. SPb.
- Shaub I.Iu. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n.e.)*. 2007. SPb.
- Smirnov Iu.A. *Labirint: Morfologiia prednamerennogo pogrebeniia*. 1997. M.
- Sokolov G.I. *Iskusstvo etruskov*. 1990. M.
- Sokol'skii N.I. Bosporskie mechi // *MIA*. № 33. 1954, pp. 123–196.
- Sorokina N.P. *Tuzlinskii nekropol'*. 1957. M.
- Sorokina N.P. Raskopki nekropolia Germonassy v 1956–1957 godakh // *KSIA*. Vyp. 83. 1961, pp. 46–52.
- Tsvetaeva G.A. Gruntovyi nekropol' Pantikapeia, ego istoriia, etnicheskii i sotsial'nyi sostav // *MIA*. № 19. 1951, pp. 63–86.
- Tsokur I.V. *Otchet ob itogakh okhranno-spasatel'nykh rabot na gruntovom mogil'nike Volna 1: Arkhiv IA RAN*. R-1. № 50661–50670. 2015–2016.
- Tsokur I.V. Gruntovyi mogil'nik Volna 1 // *DB*. T. 20. 2016, pp. 493–500.
- Tsokur I.V., Selivant'ev O.N., Gorbol' N.Iu. Mechi-akinaki iz mogil'nika Volna 1 (temriukskii raion Krasnodarskogo kraia) // *XXIX Krupnovskie chteniia*. 2016. Grozni, pp. 119, 120.
- Tsokur I.V., Selivant'ev O.N., Sheremet'eva N.A. Gruntovyi mogil'nik Volna 1 // *Okhrana i sokhranenie arkheologicheskogo nasledii Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminala SUG I nefteprovodov. Materialy arkheologicheskoi nauchnoi konferentsii*. 2016. Krasnodar, pp. 118–130.
- Voroshilov A.N., Kashaev S.V. Klinkovoe oruzhie iz nekropolia Artiushchenko 2 // *DB*. T. 14, pp. 66–87.
- Zavoikin A.A., Sudarev N.I. Pogrebeniia s oruzhiem VI–V vv. do n.e. kak istochnik po politicheskoi i voennoi istorii Bospora. I. // *DB*. T. 9. 2006, pp. 101–151.
- Zaitseva K.I. Kul'tovye chashi V–I vv. do n.e. iz Severnogo Prichernomor'ia // *TGE*. T. XXVIII. 1997, pp. 38–53.

Резюме

Вводная часть статьи посвящена памятникам первобытного искусства, каменным изваяниям и надгробиям эпохи бронзы и античного времени, говорящим о многоплановости идеи парного погребения и многообразии подходов к ней. На Таманском полуострове парные супружеские погребения были выявлены еще в XIX в., однако привлекли к себе внимание лишь в последнее время благодаря раскопкам могильников Артющенко 2 и Волна 1. Сравнение раннеантичных погребений этих и других таманских некрополей с погребениями синдского могильника VI–V вв. до н.э. у хутора Рассвет свидетельствует об их родственных связях. В эллинистическое время обряд парных погребений наиболее полно отразился в гробницах Артюховского кургана, широко известных своими богатыми находками. Два супружеских захоронения (гробницы II и III) вобрала в себя многие местные и греческие традиции, соединив их в удивительный обряд. Этот обряд сохранил от раннеантичного времени главное качество – уважение к женщине, доведя эту не свойственную греческой культуре черту до высокого совершенства.

Ключевые слова: Таманский полуостров, парные супружеские погребения, надгробия, могильник у хутора Рассвет, могильник Артющенко 2, могильник Волна 1, раннеантичные могильники, Артюховский курган.

Summary

The introductory part of the article is devoted to the monuments of primitive art, stone sculptures and tombstones of the Bronze Age and the ancient times, which evidence the multiplicity of the idea of a twin burial and the variety of approaches to it. On the Taman Peninsula, twin conjugal burials were discovered as early as in the 19th century, but they have attracted attention only recently, thanks to the excavations of the Artyushchenko 2 and Volna 1 cemeteries. Comparison of the early antique burials of these and other Taman necropolises with the burials of the Sindian burial ground of the VIth – Vth centuries BC at the farmstead Rassvet testifies to their kinship. In Hellenistic time, the ritual of twin burials was most fully reflected in the tombs of the Artyukhovsky kurgan, widely known for rich finds. Two conjugal burials (tombs II and III) took many local and Greek traditions, combining them into an amazing rite. This rite has retained from early antiquity its main quality - respect for the woman, bringing this feature, not peculiar to Greek culture, to high perfection.

Key words: Taman Peninsula, twin conjugal burials, tombstones, a repository at Rassvet farmhouse, Artiushchenko 2 cemetery, Volna 1 cemetery, early ancient tombs, Artiukhovsky kurgan.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Паромов Яков Максимович, к.и.н.,
научный сотрудник Института археологии РАН (Москва).
Специальность – 07.00.06 – археология.
+7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Paromov Iakov Maksimovich Ph.D.
Researcher, Institute of Archeology, RAS (Moscow).
Specialty - 07.00.06 - Archaeology.
+7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

Рис. 2. Двуглавая мраморная фигура
(Чатал-Хююк, Турция). Неолит.

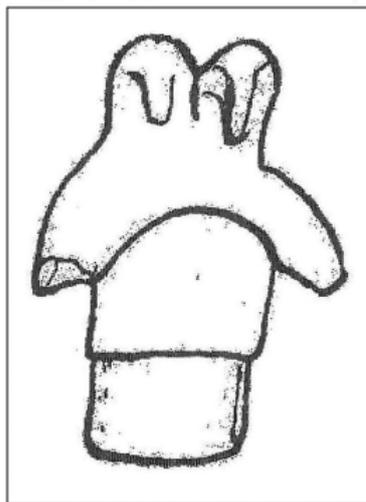

Рис. 3. Статуэтка из Среднего Подунавья (гелль Винча). Последняя треть VI – первая половина V в. до н.э.

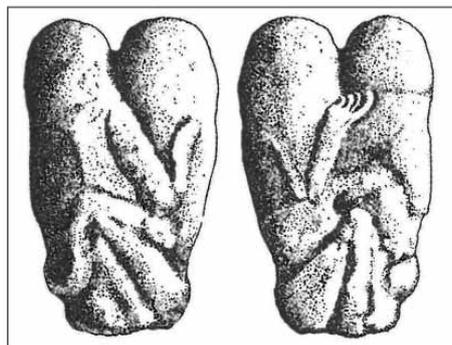

Рис. 4. Каменная скульптура натufийской культуры (Айн-Сахри, Палестина). VII–IV тыс. до н.э.

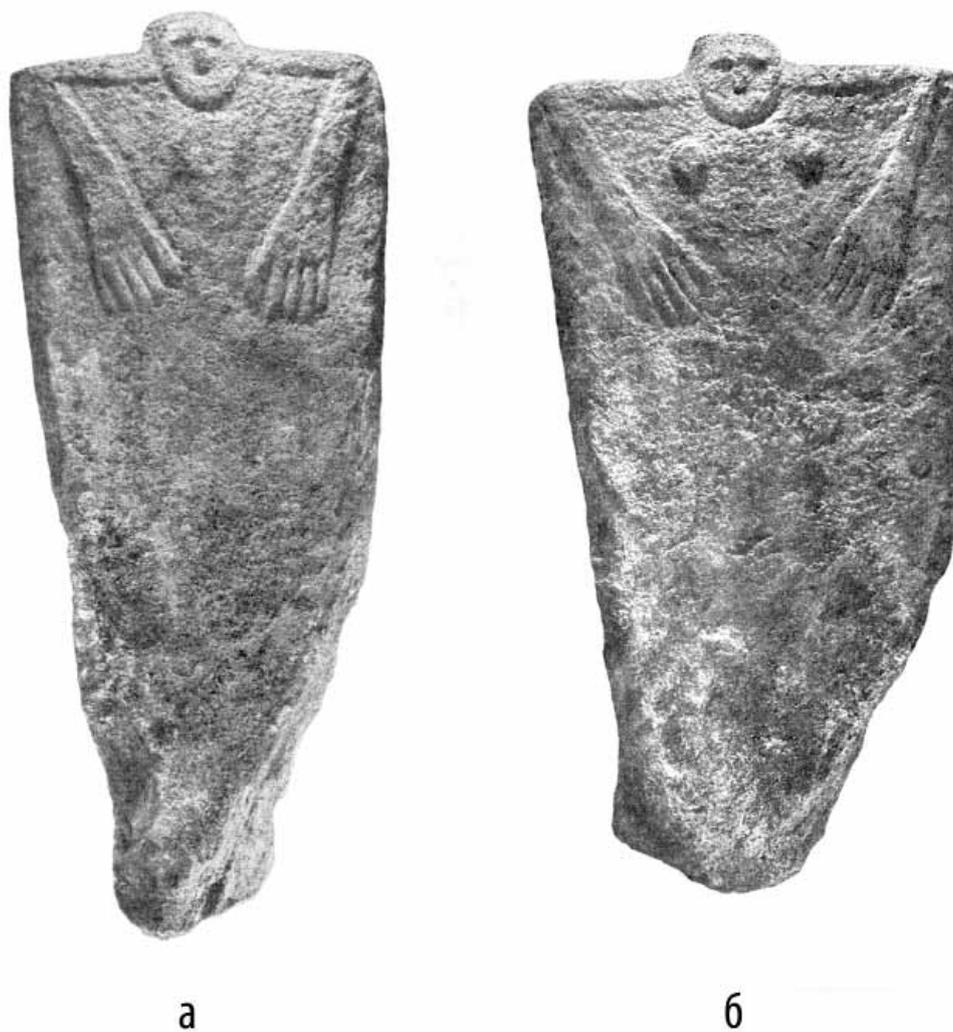

Рис. 5. Каменные изваяния из Тиритаки:
а – мужское, б – женское.

Рис. 6. Плита с изображением мужской и женской фигур, найденная на горе Опук (Киммерик).

Рис. 7. Первая стела из Нимфея с изображением двух фигур. III в. до н.э.

Рис. 8. Вторая стела из Нимфея с изображением двух фигур. III в. до н.э.

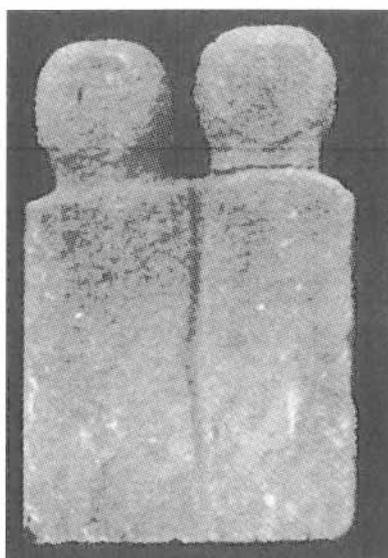

Рис. 9. Парное антропоморфное изваяние из Горгиппии. Вторая половина IV – III вв. до н.э.

Рис. 10. Надгробие мужчины и женщины из Фанагории. II–I вв. до н.э.

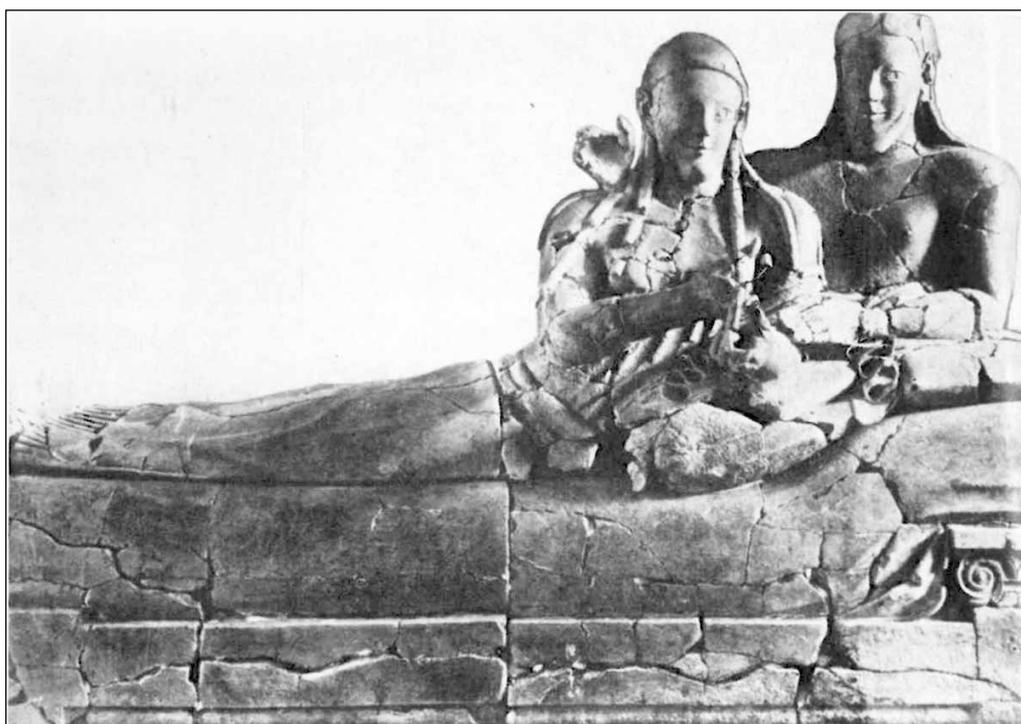

Рис. 11. Терракотовый саркофаг из Черветери. Конец VI в. до н.э.

Рис. 12. Фигуры на крышке терракотового саркофага из Черветери.
Конец VI в. до н.э.

Паромов Я.М. Обряд парных погребений...

Рис. 13. Крышка каменного саркофага из Вульчи. IV в. до н.э.

Рис. 14. Крышка терракотовой урны из Вольтерры. III–II вв. до н.э.

Рис. 15. Известняковое надгробие с изображением «загробной трапезы». Кипр.
Вторая четверть – середина V в. до н.э.

Рис. 16. Мраморный рельеф IV в. до н.э. с изображением «загробной трапезы».

Рис. 17. Погребальная трапеза. Фреска из гробницы Щитов в Тарквиниях.
Конец IV – начало III вв. до н.э.

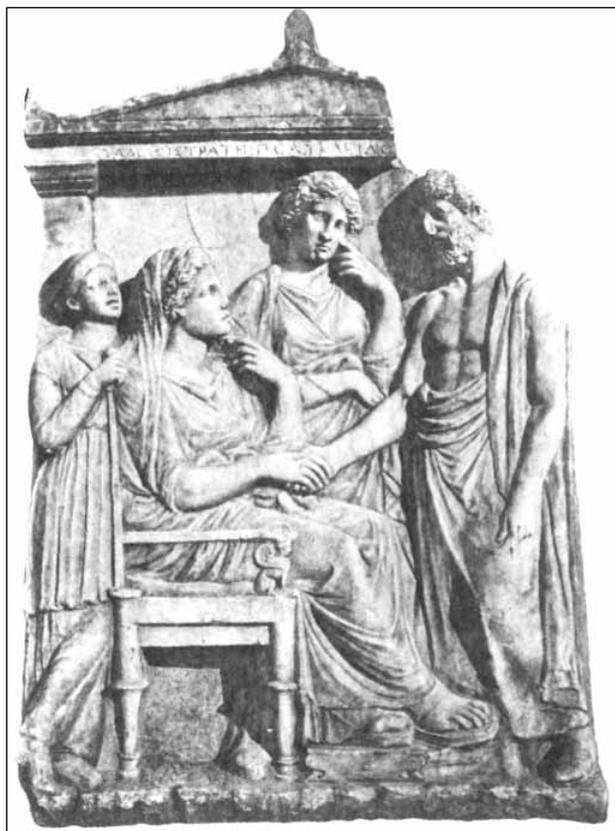

Рис. 18. Мраморная стела Дамасистраты из Афин.
Третья четверть IV в. до н.э.

Рис. 19. Терракотовая статуэтка «группа супругов» из кургана Большая Близица на Таманском полуострове. Вторая четверть IV в. до н.э.

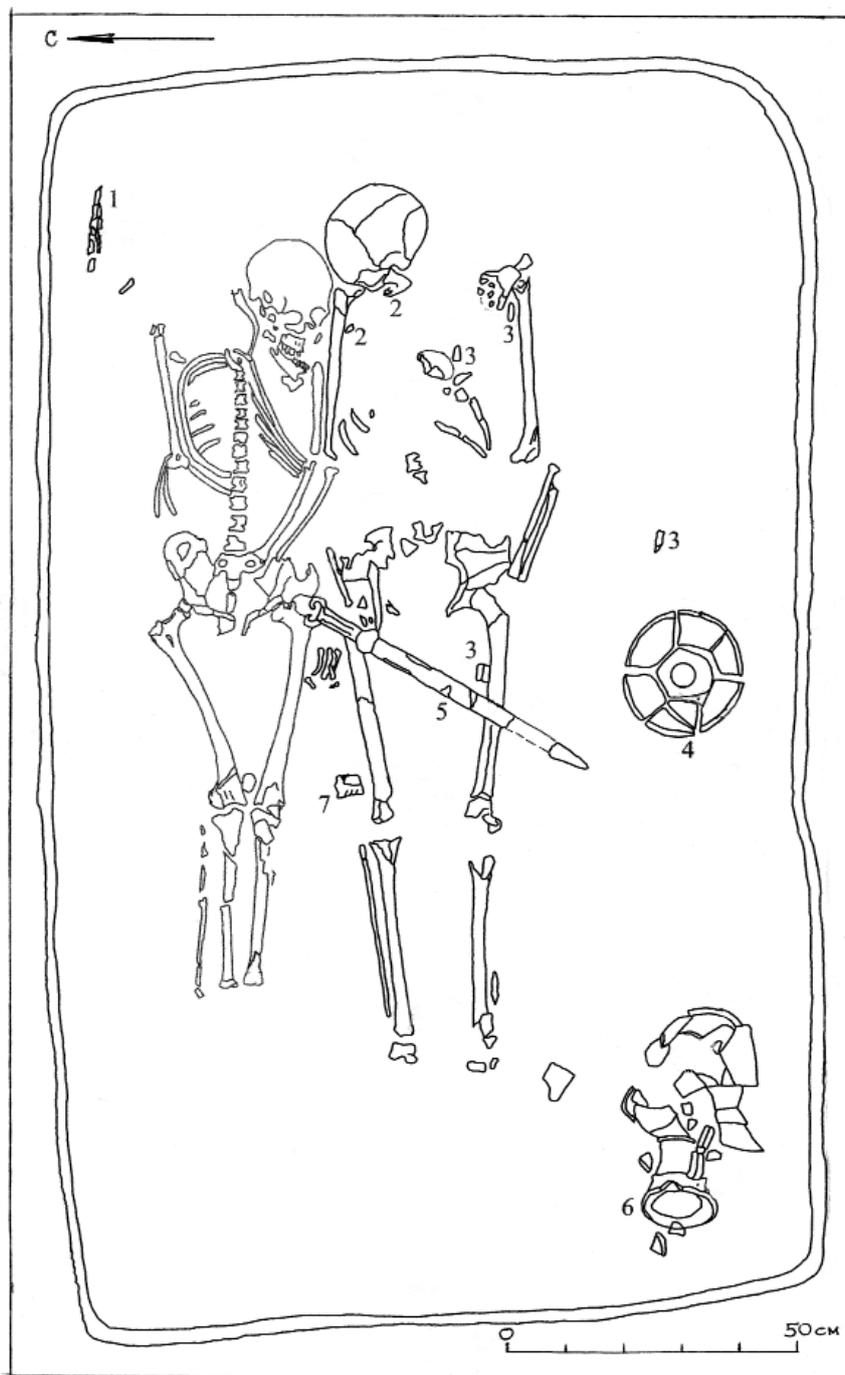

Рис. 20. Грунтовой могильник Волна 1. Погребение 24. План.

Рис. 21. Грунтовой могильник Волна 1. Погребение 82. План.

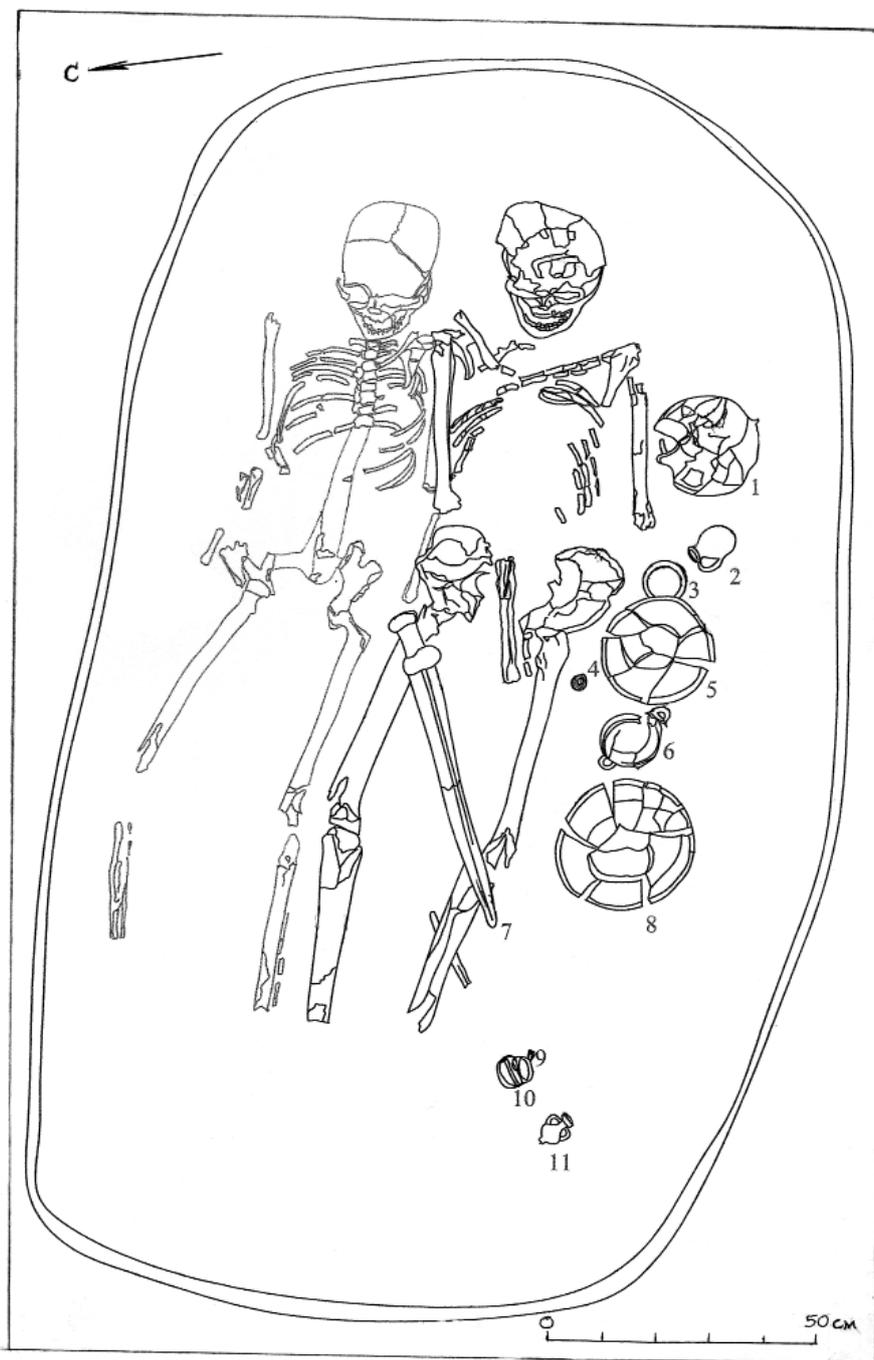

Рис. 22. Грунтовой могильник Волна 1. Погребение 83. План.

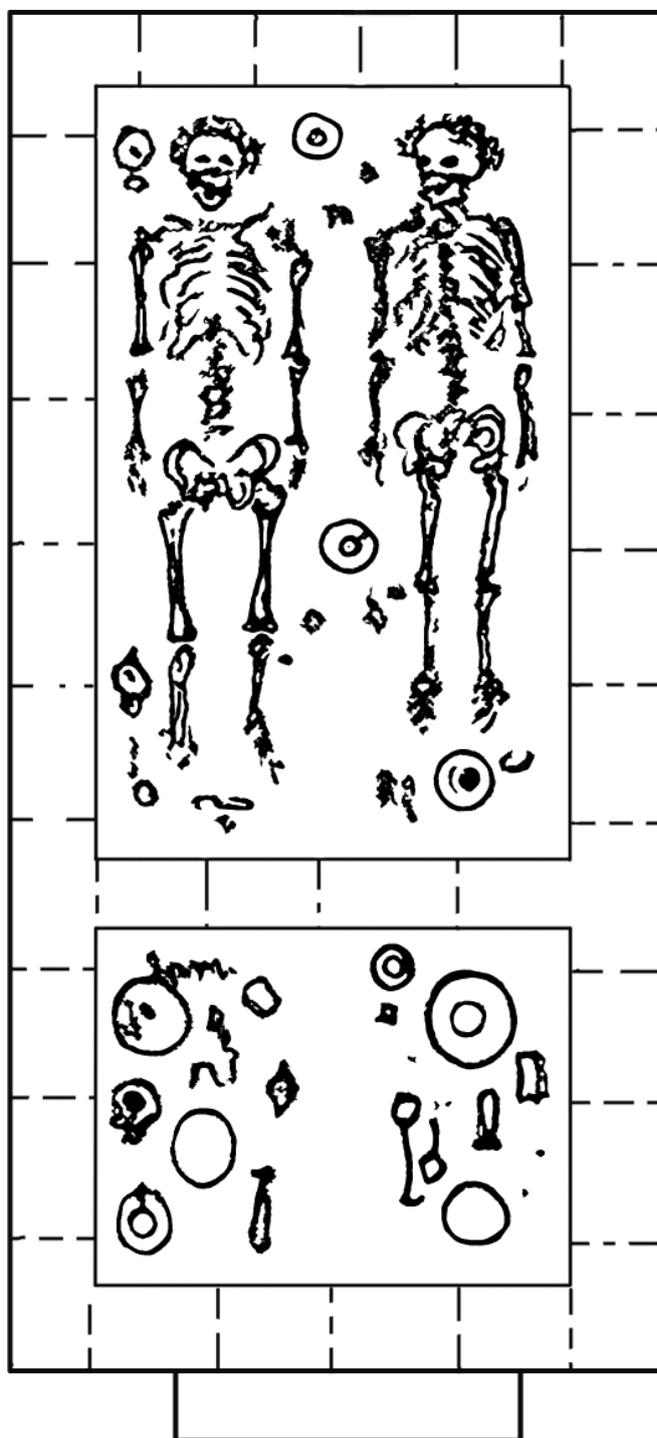

Рис. 23. Артюховский курган. Склеп II (по рисунку Ф.И. Гросса).